

rocket**book**

Одесский юмор

Рассказы,
миниатюры, афоризмы

Сборник

**Одесский юмор. Рассказы,
миниатюры, афоризмы**

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-7
ББК 84(2Рос=Рус)6-7

Сборник

Одесский юмор. Рассказы, миниатюры, афоризмы / Сборник —
«Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-093130-9

Неисчезающая художественная аура произведений Бабеля, Ильфа и Петрова, Катаева, Олеси, продолжающееся блистательное творчество Михаила Жванецкого, ежемесячно выходящий с 1997 года одесский журнал «Фонтан» благоприятствовали появлению в Одессе новых авторов, многие из которых продолжили лучшие традиции одесского литературного юмора и в XXI веке. Словом, пока жива Одесса, жив и ее юмор! Прочтя книгу, вы в этом легко убедитесь...

УДК 821.161.1-7
ББК 84(2Рос=Рус)6-7

ISBN 978-5-04-093130-9

© Сборник, 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Тирания вкуса	8
Георгий Голубенко	11
Пожар на Слободке	11
Одна зеленая луковица и одно красное яблоко	15
Отъезд коммуниста	19
Наметанный глаз	21
Один день Бориса Давидовича	24
Биндюжник и профессор	28
Пьяный переулочек	31
Один среди вещей	35
Рыжий русский голубой	39
Жора с Большой Арнаутской	43
Михаил Векслер	46
Полиглот	46
Скупой рыцарь	47
Подставь другую...	48
Национальная идея —	49
Красна девица	50
Мисс «Бюст»	51
Часы	52
Без рифмы	53
А из нашего окна	54
Наблюдение	55
Славянофильский вопрос	56
Тост	57
Загадка	58
Историйка	59
Дезинфекция в посольстве	60
Портрет	61
О глобальном потеплении	62
Из цикла «Времена года»	63
После вчерашнего	64
Двоится	65
Утро	66
Пьянство молодеет	67
Найдена картина	68
Из японской поэзии	69
Абстракционизм	70
Статист	71
Нетрадиционная поэзия	72
Сюрреализм	73
Агрессивная лирика	74
Искусствоведение	75
Объявление	76
Литературоведение	77
Маленькие трагедии	78

Мой девиз	79
«Фанера»	80
Хичкоку	81
Из цикла «В мастерской поэта»	82
Из цикла «Мы с Тamarой»	83
В городе N	84
К празднику	85
Из Гюго	86
Двустышие	87
Какой-то	88
Осторожно: яд!	89
Объявление	90
Занимательная геометрия	91
Индийский цветок	92
Гумберту Гумберту	93
Идиллическое	94
Объявление	95
Летнее кафе	96
За непредсказуемость	97
Политика	98
Молдаванка	99
Южная Пальмира	100
Золотые россыпи	101
Мечты	102
Из песни об одесских деревьях	103
Салли	104
Закон подлости	105
Светофор	106
Хокку	107
Загар	108
Мся!	109
Вокруг света	110
Новогодний совет	111
Две таблетки	112
Символическая плата	113
Оптимистическое	114
Цветочный магазин	115
Спорт и труд рядом идут	116
Про новые русские игры	117
Представление	118
Стихи о лете	119
Звоните сейчас	120
Из цикла «Времена года»	121
Из милицейского протокола	122
Зимние грезы	123
Пока горит свеча	124
Новости культуры	125
Маленькие хитрости	126
Из цикла	127

Белый танец	128
Кошмарный сон	129
Сова и жаворонок	130
Акция	131
Литературная частушка	132
Из японской поэзии	133
В мастерской поэта	134
Судьба	135
Лимерики	136
Россиянам	137
Пересмешники	138
Повезло	139
Знакомство на улице	140
Измена	141
Старые песни о новом	142
Старые песни о главном	143
С миру по нитке	144
М	145
Веселая история	146
Хот-дог	147
Основной инстинкт	148
Городок наш – ничего	149
Земной шар	150
Октябрь	151
Лимерик	152
Палиндромы	153
Дума про опера Саню	156
Что наша жизнь? Игра!	158
О вкусах не спорят	159
Пора жениться	160
Серпентарий	161
Баба Аня	162
Эротические фантазии	163
Боец невидимого фронта	164
В альбом	165
Роман	166
Частушка	167
Хокку	168
Объявление	169
Примета	170
Подмосковные вечера	171
«А я милого узнаю...»	172
Занимательная орфоэпия	173
Это пригодится	174
Народный календарь	175
Лучше гор могут быть только горы...	176
Полвека вместе	177
Славный юбилей	178
Путем эксперимента	179

По заслугам	180
Новости спорта	181
Сюрреализм – в массы	182
Распоясались	183
Новости кино	184
С шестом	185
Религия на марше	186
Новости террора	187
Надувных дел мастера	188
Килограммы-близнецы	189
Могут же, если хотят!	190
Оптимист	191
Маленькие хитрости	192
Ненавязчивый сервис	193
В добрый путь!	194
Ретропесенка	195
Борис Бурда	197
Из цикла «Малая энциклопедия смешного»	197
Эти смешные военные	197
И Родина щедро поила меня...	199
Шутят не только физики	201
Скрипичный ключ под ковриком	204
День раненого таракана	207
Конец ознакомительного фрагмента.	210

Одесский юмор. Рассказы, миниатюры, афоризмы

Тирания вкуса

Вместо предисловия

Когда московское издательство ЭКСМО задумало многотомную «Антологию сатиры и юмора России 20-го века», то в нее, естественно, был включен и том «Одесский юмор». Так случилось, что составителем его оказался ваш покорный слуга. В предисловии к тому я писал: «Отношение к юмору, восприятие его у каждого свое. Тем более если этот юмор «одесский». Одним (как правило, не одесситам) больше нравится его, так сказать, экзотическая часть, то есть жаргон, неправильности речи, утрирование интонации, другим же – афористичность, естественность и соответствие нормам русской грамматики. Я отношу себя к последним. Словом, мое отношение к юмору, в особенности же к одесскому, крайне субъективно. Что, конечно, чревато. Поскольку я понимаю: отбирая нравящиеся тебе тексты, ты как бы навязываешь читателю свой вкус. Так вот, хочу заранее попросить прощения у читателей – как раз это я и собираюсь делать!»

В работе над томом «Одесский юмор. Век 21-й» я придерживался того же принципа. То есть включил в него то, что нравится мне лично. Думаю, кстати, что такой подход оправдывают и мои более чем сорокапятiletние занятия этим сомнительным делом. Ну, я имею в виду юмор. Пора уже вроде бы себе доверять...

И еще. Когда я работал над первым томом, охватывающим прошлое столетие, то обратил внимание, что вся юмористическая традиция в одесской литературе зародилась именно в начале XX века.

Начало XXI века тоже ознаменовалось для Одессы всплеском юмора. Это было связано прежде всего с инерцией перестроечных настроений, чувством свободы и отсутствием цензуры, которые вызвали к жизни целую плеяду новых одесских авторов, пишущих в этом жанре. Тем более что век XX, несмотря на всякие сложности и катаклизмы, ему сопутствующие, не только создал, но и укрепил легенду Одессы как столицы юмора.

Неисчезающая художественная аура произведений Бабея, Ильфа и Петрова, Катаева, Олеси, продолжающееся блистательное творчество Михаила Жванецкого, ставшие уже многолетней традицией одесские Юморины благоприятствовали рождению новых юмористических произведений разных жанров, многие из которых отвечают, на мой взгляд, самым высоким литературным требованиям.

Единственное, в чем начало XXI века отличается от первых лет века XX, – это то, что количество появившихся юмористических изданий в Одессе на этот раз было весьма скромным. Не слишком много на страницах всякого рода периодических изданий появилось и так называемых уголков юмора. Единственный юмористический жанр, который в XXI веке «украшает» практически все последние страницы многих газет и журналов, – это анекдот. Причем, как правило, не очень высокого пошиба.

Причины этой издательской и читательской невзыскательности разные, для нас часто непостижимые. Безусловно, они связаны с какими-то загадочными сдвигами в сознании людей, живущих на постсоветском пространстве, но осмысление этого не входит в задачу данного предисловия.

Я же, льстящий себя надеждой, что высокий литературный уровень одесского юмора удастся все-таки не только сохранить, но и приумножить, имею в виду практически только одно издание – все тот же, выходящий в Одессе уже более пятнадцати лет юмористический журнал «Фонтан», главным редактором которого я имею честь быть до сих пор. Именно он, «Фонтан», как мне представляется, и собрал на своих страницах лучших из нынешних одесских (и не только!) юмористических авторов, а также многих из тех литераторов, кто, несмотря на занятия «серьезной» литературой, с охотой уделяет внимание и «веселому» жанру.

За годы существования журнала были написаны и увидели свет сотни новых рассказов и стихов, пародий и миниатюр, острот и афоризмов, карикатур и шаржей. Нет никаких сомнений в том, что, если бы не «Фонтан», 90 % из написанного, опубликованного в журнале и вышедшего потом отдельными книгами просто бы не существовало.

По счастливому стечению обстоятельств первый номер одесского юмористического журнала «Фонтан» вышел в день столетия Ильи Арнольдовича Ильфа – 15 октября 1997 года.

А напугивал его еще один одесский классик – Михаил Михайлович Жванецкий. Вот его слова:

*Низкое качество жизни вызывает высокое качество юмора.
У журнала «Фонтан» есть все шансы.
Я сам не хохотал уже сто лет.
Так хочется посмеяться.
Так надоело читать анекдоты.
И в Одессе охота видеть человека, а не тещу, торговку и делового
остряка, сидящего на акценте.
Из акцента мы выжали все.
Сэкономим Одессу.
Здесь все гораздо глубже – и хуже, и лучше, чем в наших шутках.
Будем беречь Одессу.
Крохи остались.
Для семян.
Всегда неподалеку
Ваш Жванецкий.
1 октября 1997 года*

Удалось ли нам оправдать эти ожидания, судить, конечно, читателям. Что же касается Михал Михалыча, то к нашему 15-летию юбилею он написал такие слова:

*Ребята, фонтанируйте дальше.
Вы проехали Малый, Средний...
Теперь это – Большой Фонтан.
Не в силах конкурировать, я отошел.
Освобождаю проход.
Шутите мало, медленно и редко.
Это запоминается.
Медленная острота легче нащупывает мысль.
Кому я советую?
Зачем перебиваю сам себя?!
Мы все – профессионалы.
Кто выжил – живет!
Ваш, ваш и твой
М. Жванецкий.
1 октября 2012 года*

К слову, давно ставший классиком, блистательный автор и исполнитель собственных произведений Михал Михалыч Жванецкий в последние годы стал выпускать том за томом полное собрание своих сочинений. И, что интересно, пятый том этого прекрасного издания полностью состоит из текстов, написанных уже в XXI веке. (К тому же, как я слышал, уже готовится к выходу и шестой.)

Но продолжу...

Я уже писал, что принцип, которому я следовал при отборе произведений для тома «Одесский юмор. Век XX», сохраняется и в этом томе. Но, в отличие от прежнего собрания, абсолютно все авторы, чьи тексты здесь представлены, – одесситы. Либо сегодняшние, либо по рождению, либо одесситы, уехавшие на постоянное жительство в другие страны.

Ну и самое последнее. Эпиграфом к вступительной статье к тому «Одесский юмор. Век XX» взяты слова из статьи Исаака Бабеля о Леониде Утесове: «Мы предчувствуем высоты, которых он может достигнуть: тирания вкуса должна царить на них». Надеюсь, что собранный мной том «Одесский юмор. Век XXI» тоже соответствует этим высоким требованиям. Хотя бы по части вкуса.

На том стоим!

Валерий Хаит

Георгий Голубенко

Пожар на Слободке

Моим самым ярким детским впечатлением от Одессы был пожар. В центре Слободки. Так сказать, в самом престижном ее районе. Рядом с психбольницей. Горел дровяной сарай.

Я тут недавно видел другой пожар, примерно в том же районе. Горела какая-то контора. Или, как теперь говорят, офис. Какой разительный контраст в пользу первого возгорания! Во втором случае мы имели вялое малоинтересное зрелище: никто ничего не тушил. Хозяин офиса – бизнесмен, сидя в автомобиле, обзванивал по мобильному телефону своих друзей-бизнесменов. Те приезжали и, быстро договорившись о цене, сдавали хозяину под расписку кипы бумаг. Его помощник, как в паровозную топку, забрасывал эти бумаги в окна горящего офиса, и смысл происходящего был вянут даже такому далекому от большого бизнеса человеку, как я. Вот придут к этим бизнесменам налоговые инспекторы:

– А ну предъявите ваши финансовые документы!

– Сгорели во время пожара.

– А у вас что, был пожар?

– У нас, слава богу, нет, а вот у бизнесмена такого-то, к сожалению, был. А мы ему как раз в этот день документы свои на хранение сдали...

– А чем докажете?

– Что? То, что сдали? Пожалуйста, вот расписка. А то, что у него как раз в этот момент был пожар, так иначе оно и быть не могло. Это же у него такой бизнес...

Нет, в детстве, неподалеку от психбольницы, все было значительно интереснее!..

Посмотреть, как горит дровяной сарай, собралось пол-Слободки. Вокруг царило приподнятое настроение. Хозяева, понимая, что одним сараем дело не ограничится, выносили из рядом стоящего ветхого дома нехитрый скарб, но тут, оглашая округу воем сирены, кваканьем клаксона и звоном медного колокола, к дому подъехал пожарный автомобиль – грузовик ярко-красного цвета с лестницей на кабине и тремя пожарными в кузове.

– Внимание, товарищи бойцы! – закричал их командир, вылезая из кабины с секундомером в руках. – Вижу пожар второй степени. На боевой рубеж выходи!

Пожарные спрыгнули на землю.

– Стоп, стоп, стоп!.. – закричал главный пожарный. – Это все никуда не годится! Ну что, Причитайло, где твои восемнадцать секунд по нормативу? А кто мне на учениях говорил: «Вот будет пожар, тогда и увидите»? Ну вот, пожалуйста, пожар я вижу и вижу, что у тебя опять двадцать три! Ну что же, давайте все в кузов, выпрыгиваем еще один раз!

– А может, тушить начнете, товарищи пожарники? – робко спросил кто-то из погорельцев. – Вон уже и на дом перекинулось...

– У вас один дом на уме, – строго ответил главный пожарник, – а я за весь город ответственный! Где же мне еще подчиненных учить, как не в боевой обстановке? Внимание, товарищи бойцы! Вижу пожар теперь уже третьей степени! На боевой рубеж выходи!.. Вот, уже лучше... Все-таки двадцать одна секунда. А знаешь почему, Причитайло, у тебя все-таки двадцать одна, а не восемнадцать? Потому что спрыгивать надо, а ты, извини, сползаешь, как беременная женщина! Вот посмотри, как Кузнецов спрыгивает! А ну, Кузнецов, покажи ему еще один раз, как это делается!

– Слушаюсь, товарищ командир! – лихо откозырял Кузнецов, ловко залез в кузов, ловко спрыгнул на землю, но так и остался лежать на земле.

– А, черт, нога!..

- Что «нога», Кузнецов?
- Да вот, подвернул, черт бы ее побрал!..
- Ну ничего. Это хорошо. То есть что подвернул – это, конечно, плохо, а хорошо то, что мы эту ситуацию на учениях тоже отрабатывали. Рядовой Хабибулин, вправьте ему сустав!
- А может, лучше я ему вправлю, товарищ командир?
- Э нет, Причитайло. То, что вы вправите, я не сомневаюсь. Это вы как раз делаете хорошо. Вот Хабибулин пусть вправит! А то мне докладывали, что он на занятиях по медицине каждый раз в таких случаях наш манекен по два часа уродует.
- Ну не даются мне эти переломы, товарищ командир...
- Какие еще переломы? У Кузнецова вывих!
- Так это сейчас у него вывих, а как я за лечение возьмусь, будет перелом...
- Да и не станет этот дом гореть еще два часа, – заметили из толпы, – максимум минут двадцать...
- Ладно, – сказал командир. – Ты, Кузнецов, пока отползи в сторонку, а ты, Хабибулин, бери брандспойт и подсоединяйся к гидранту. Где у вас тут гидрант?
- Какой это еще гидрант? – удивились погорельцы. – Нету у нас никакого гидранту...
- Ну кран пожарный по-нашему.
- И крана пожарного у нас нет. У нас вообще никакого крана нет. А зачем он нам нужен, тот кран, если у нас здесь и воды никогда не было?
- Так что же вы тогда технику сюда вызывали, людей? И что это за мода такая пошла – чуть дом загорится, сразу пожарников вызывать? Мы тут стараемся, понимаешь, делаем все возможное и невозможное... Вон, – командир показал на отползающего Кузнецова, – теряем личный состав! А у вас и пожарного крана нет!
- Пожарный кран есть на суконной фабрике, – сообщил какой-то мужчина в пижаме и тапочках.
- А это недалеко?
- Если ехать трамваем, получается остановки четыре.
- Ничего себе, четыре остановки трамваем! У нас на такое расстояние шланг не дотянется!
- Тогда можно не ехать трамваем. Можно идти пешком. Получается всего одна остановка.
- То есть как это?
- Очень просто. Идете себе, идете и останавливаетесь только у суконной фабрики... Но расстояние то же.
- А что, если мы, товарищ командир, трофейный брандспойт подключим, а? – с робкой надеждой предложил Хабибулин. – У него, наверное, шланг ох какой длинный!
- Отставить трофейный! Вы что, не знаете, что этот брандспойт мы бережем для особенно ответственных возгораний? Если обком, не дай бог, загорится или горком.
- Да не загорятся они, товарищ командир! Вы это нам уже сколько лет обещаете! И ничего. Так и не узнаем мы никогда, что ж оно такое, эта хваленая зарубежная техника!..
- Ну так и быть, подключайте! – сдался командир.
- Слушаемся! – обрадовались Хабибулин и Причитайло и, подхватив трофейный брандспойт, побежали в сторону суконной фабрики, всем своим видом показывая толпе, что сейчас ей будет представлено нечто необыкновенное.
- Так тогда, может, я и нашу выдвижную лестницу уже выдвину? – спросил у командира водитель пожарной машины. – Я понимаю, что оно вроде как ни к чему: и дом здесь в один этаж, да и от него уже мало чего осталось... Просто я тут приспособление изобрел для ускорения выдвижения лестницы. Так пусть наконец люди увидят, какая все-таки мощь стоит на страже их противопожарной безопасности!..

– Выдвигай! – кивнул командир.

Водитель на что-то нажал, после чего вторая половина лестницы не просто выдвинулась из первой, а вылетела из нее со страшным свистом, снесла половину крыши, а вторую ее половину обрушила прямо в горящий дом.

– Во дают! – ахнул кто-то в толпе. – Получается, это у них как «катюша»?!

– Да, – сказал водитель машины. – Чего-то я тут еще не подрассчитал...

– Это мы после поговорим, – ответил ему командир. – Надеюсь, в доме никого не осталось? – спросил он у погорельцев.

– Да нет, – отвечали те. – Мы даже и вещи все вынесли самые ценные... Кажись, только веник забыли...

– А Коля ж мой где?! – запричитала вдруг какая-то молодуха. – Ой, люди добрые, Коля!.. Сынок... Я ж и забула тут про него... А сейчас, как за веник заговорили, так сразу и вспомнила!.. Мы когда еще из дому выходили, я ему говорю: «Коля, сынок, ты ж смотри, чтобы веник тут нэ сгорив!» А тэпэр вот ни веника, ни его!..

– Ну знаете! – возмутился командир. – А ну быстро облейте меня чем-нибудь!

– Как вы говорите?

– Облейте меня, говорю, чем-нибудь! Что у вас там есть?

– А что у нас есть? Ничего у нас нет... Мы ж тут как раз День физкультурника отмечали, так и выпили все, что было...

– Да что я тут с вами разговариваю?! Эх, была не была!.. – И командир пожарников, сделав два гигантских прыжка, исчез в клубах огня и дыма...

– Мама, а мама, – прозвучал в наступившей тишине тоненький детский голос, – а чего это дядя в самое пекло полез? За веником, что ли?

– Та за каким еще там... А кто это сказал? Коля? Ты тут? Ой, слава тебе, Господи... Шоб тебя уже черти забрали, байстрюк! Где ж тебя носыть?!

– Я в туалет ходил за кустик.

В это время дом, вспыхнув особенно ярким пламенем, развалился на головешки, но командира пожарников там почему-то не оказалось. Толпа тихо ахнула...

– Не нужно было их вызывать, этих пожарников, – сказал какой-то моряк с «Беломором» в зубах, – дом мы бы и сами не потушили, зато у нас хотя бы не было человеческих жертв...

– Не слушай его, Николай, – обратилась к мальчику дородная женщина в пионерском галстуке – наверное, пионервожатая. – Только что, на твоих глазах, этот пожарный, спасая юного пионера, совершил героический подвиг! Конечно, если бы ты предупредил его, что идешь в туалет, он бы остался жив. Но с воспитательной точки зрения, может быть, так даже лучше. Какой вывод ты сделаешь из того, что произошло сегодня? Вот как ты будешь поступать в подобных случаях, когда станешь взрослым мужчиной?

– Ну, каждый раз, прежде чем идти в туалет, я буду предупреждать пожарных.

– Неправильно! Ты должен был сделать вывод, что в жизни всегда есть место для подвига! А этот пожарный, – обратилась она уже ко всем, – навсегда останется в наших сердцах. Ведь правильно я говорю, товарищи? И теперь, вспоминая этот день, мы всегда будем видеть перед собой его мужественное лицо, а его героический голос всегда будет звучать в наших ушах!

– Ах вы, мать вашу так! Придурки несчастные!.. – действительно раздался откуда-то из-под земли голос исчезнувшего пожарника. – Что ж вы мне не сказали, что у вас тут погреб под домом выкопан?! – И вслед за этим его лицо, правда, не столько мужественное, сколько перепачканное сажей, действительно показалось из-под земли.

– Товарищ командир! – закричал Причитайло, появившись прямо перед этим лицом с трофейным брандспойтом. – Мы подключились! Сейчас Хабибулин будет врубать!

– Та врубайте уже, черт бы вас всех побрал! – скомандовал командир. – Дом я не потушил, так хоть физиономию вымою!

И тут Хабибулин, как видно, «врубил». Бесконечный брезентовый шланг надулся, как огромный питон. Но из брандспойта ничего не потекло. Зато из миллиона прорех, образовавшихся на сгибах этого шланга от многолетнего лежания без дела, в вечернее небо Слободки брызнули миллионы фонтанов. И засверкали в лучах заходящего солнца. И покати́лась от смеха Слободка аж от суконной фабрики и до психбольницы включительно. Потому что всем, в том числе и хозяевам сгоревшего дома, было абсолютно не жаль эту несчастную развалюху. Все понимали, что самое страшное в жизни, то есть война, окончившаяся совсем недавно, уже позади, а впереди только хорошее: красивые новые дома, красивая новая жизнь... И единственная беда, омрачавшая чистые сердца слободчан, состояла лишь в том, что за несколько месяцев до описанных выше событий умер великий вождь всех людей, лучший друг всех пожарников Иосиф Виссарионович Сталин.

И вот я думаю: это же как должен был перевернуться мир за какие-то там пятьдесят лет, прошедшие с той поры, если кончина такого вождя уже почти никого не печалит, а хороший пожар на Слободке – почти никого не радует...

Одна зеленая луковица и одно красное яблоко

Не знаю, что так пугает многих артистов и музыкантов, которые говорят, что всегда с особым волнением едут выступать в Одессу, но вот почему начиная с далекого тысяча девятьсот шестьдесят восьмого года ни разу не приезжал в наш город знаменитый скрипач Гутников со своей пианисткой Мещерской, я знаю точно. Они боялись меня.

Впрочем, все по порядку. Я учился тогда в Одесской государственной консерватории. Красиво? А вы как думали?.. Это уже потом я стал советским драматургом, а вначале родители все же пытались сделать из меня культурного человека. Желательно скрипача. Правда, мой педагог – профессор Лео Давыдович Лембергский – сразу распознал безнадежность этих попыток, поэтому во время занятий старался научить меня хоть чему-нибудь полезному для жизни.

– Смотри сюда, мальчик, и запоминай, – говорил, бывало, мой шестидесятилетний наставник мне, восемнадцатилетнему пацану, доставая из своего скрипичного футляра луковицу и яблоко. – Мой дед съедал во время обеда одну зеленую луковицу и одно красное яблоко – и дожил до ста лет. Мой отец съедал во время обеда одну зеленую луковицу и одно красное яблоко – и дожил до ста одного года. Я тоже съедаю во время обеда одну зеленую луковицу и одно красное яблоко, и вот ты увидишь... Хотя ты, конечно же, не увидишь...

Я незаметно посмеивался, и, между прочим, совершенно напрасно. Прошло тридцать лет, а мой профессор по-прежнему съедает где-то в далеком Израиле во время обеда свою зеленую луковицу и свое красное яблоко и уже готовится побить семейный рекорд долголетия, установленный его отцом и дедом, а что касается меня... Боюсь, мне теперь уже действительно нужно сильно постараться, чтобы это увидеть...

Вообще, я любил учиться в Одесской государственной консерватории. Потому что государственной она была в последнюю очередь. В первую очередь она была одесской.

«Декан Рувимчик – редкий козел!» – было написано на стене нашего консерваторского туалета. «Сам ты козел! Декан Рувимчик», – было написано ниже. В классе контрабасов висел транспарант, который приводил в ужас всю нашу кафедру марксизма-ленинизма: «Ничего не знаю лучше контрабаса. Готов слушать его день и ночь. Удивительный, нечеловеческий инструмент!» – и подпись: «Лейбин». А какие, собственно, основания были его снимать, если Лейбин была фамилия преподавателя контрабаса?..

Мы, студенты, жили с нашими педагогами одной семьей, постоянно пытались шутить и все, как один, мечтали о славе. Слава имела конкретные очертания. И называлась она – сцена Одесской филармонии. Выступать там было пределом наших мечтаний. Поэтому все, что произошло в тот день одна тысяча девятьсот шестьдесят восьмого года, я помню очень хорошо. Или почти все...

– Ну что ж, мальчик, поздравляю тебя! – сказал мой профессор. – Сегодня ты впервые выходишь на филармоническую сцену!

– Как?.. – задохнулся я. – А что же я буду там играть?

– Ничего, – ответил профессор. – Ты будешь там ноты переворачивать. Играть будет Гутников. Нужно помочь его пианистке.

Для тех, кто не в курсе, рассказываю: скрипач обычно во время концерта играет все наизусть. Его аккомпаниатор – по нотам. Переворачивать их приглашают кого-нибудь из местных. Ну не возить же с собой на гастроли такую малозначительную фигуру...

Конечно, это было не совсем то, о чем я мечтал. Но я живо представил себе, как вечером я выхожу на сцену Одесской филармонии и одна знакомая девушка, сидящая в зале, увидит... Ну, в общем, за полчаса до концерта я уже переминался с ноги на ногу за кулисами филармонии, с тревогой прислушиваясь к шуму, доносящемуся из переполненного зрительного зала.

Потом появились ослепительные Гутников и Мещерская. Она – в роскошном концертном платье, он – в строгом фраке, но с настоящим Страдивари в руках.

– Здра-а-авствуйте, – поздоровался я, заикаясь от волнения. – Я тут пе-ереворачивать...

– Знаем, знаем, – сказала пианистка. – Зачем же вы так волнуетесь, молодой человек?

Ноты читать умеете? Значит, когда увидите, что я доигрываю страницу, перевернете. И еще: у меня длинное платье, поэтому, когда я буду вставать со стула, чтобы поклониться, отодвигайте, пожалуйста, стул. Вот, собственно, и все. Ваш профессор сказал, что вы человек способный. Думаю, справитесь... Да, и еще: я вас очень прошу, когда мы будем уходить со сцены, уходите, пожалуйста, первым. Потом уйду я, и только потом уже солист. Понимаете? Чтобы все аплодисменты достались солисту. И вообще, ваша главная задача – нам не мешать.

– О чем ты, Мила? – улыбнулся маэстро. – Ну как он может нам помешать?..

Ох, не нужно ему было это говорить! Уже через несколько минут жизнь показала, что в этом смысле он явно недооценивал мои возможности.

Под бурные аплодисменты мы вышли на сцену, я, как и положено переворачивающему ноты, уселся слева от пианистки, взглянул на ноты, которые мне предстояло переворачивать, и понял, что сейчас произойдет катастрофа.

– Бетховен, – произнесла ведущая. – «Крейцера соната».

Пианистка взяла аккорд.

– Ничего не получится... – просипел я ей прямо в ухо. – Я очки дома забыл!..

– Что? – вздрогнула пианистка.

– Очки, говорю, забыл!.. Не вижу я ничего!..

– Спокойно, – прошептала пианистка, не переставая играть. – Следите за мной. Когда нужно будет перевернуть страницу, я вам кивну...

– Головой?.. – просипел я, уже мало что соображая от волнения.

– Да, – кивнула она.

Она кивнула – я и перевернул.

– Рано! – вскрикнула она и, продолжая играть, свободной рукой перевернула страницу назад.

– Но вы же кивнули! – напомнил я ей – и перевернул страницу вперед.

– Да я не потому кивнула! Не потому! – нервно зашептала пианистка, играя какой-то сложный пассаж. – Вот теперь переворачивайте!

– Вперед?!

– Да!

Я перевернул.

– Назад!!

– Но почему? Вы же сами сказали перевернуть страницу вперед!

– Но вы же перевернули две!..

– Как это две?! – Я приподнялся и, загородив ей нотную тетрадь, стал разбираться со страницами. – Вот одна... вот... ах да, действительно!..

– Да что же вы делаете?! – взмолилась она и, изловчившись, шлепнула меня по рукам. Я автоматически шлепнул ее по рукам, как бы давая сдачи. Она вскрикнула. Скрипач вздрогнул и взял фальшивую ноту.

Так, толкаясь и переругиваясь, мы каким-то чудом доиграли наконец «Крейцеру сонату». Раздались аплодисменты.

– Стул отодвиньте! – ненавидяще глядя на меня, сказала пианистка. – Я же вам говорила.

У меня длинное платье. Отодвиньте мой стул! Мне нужно встать и поклониться!

Я галантно отодвинул ей стул. Она встала и поклонилась. Потом начала садиться.

– Стул! – напомнила она, не оборачиваясь.

Поскольку слово «стул» теперь ассоциировалось в моей уже не работающей от страха голове исключительно со словом «отодвиньте», я его опять отодвинул. Она начала садиться на пол. Я автоматически подставил руки... Почувствовав их у себя на бедрах, пианистка взвизгнула и отскочила.

В зале прошел шумок. Там уже, наверное, давно обратили внимание, что, пока скрипач предается своему возвышенному искусству, какой-то молодой нахал у него за спиной сначала подрался с его аккомпаниаторшей, а теперь прямо на глазах у публики начал к ней грубо приставать. Я готов был провалиться сквозь сцену.

Дальнейшее плохо отпечаталось в моем сознании. Помню только, что, кажется, и дальше я все делал наоборот: переворачивал страницы, когда не нужно было переворачивать, и не переворачивал, когда было нужно. Двигал стул вперед, когда пианистка пыталась встать, таким образом припечатывая ее к роялю, и двигал его назад, когда она пыталась сесть, каждый раз лоя ее уже у самого пола.

Естественно, что после окончания каждого произведения музыканты, несмотря на аплодисменты, сразу же убежали за кулисы, чтобы хоть как-то перевести дух от этого кошмара. Но я оставался на сцене! Таким образом, получалось, что все аплодисменты доставались мне и я каждый раз долго и церемонно раскланивался...

Но все это были, как говорится, цветочки по сравнению с финалом нашего выступления.

– Паганини, – объявила ведущая. – «Вечное движение».

– Умоляю!.. – наклонилась ко мне пианистка. – Вы только ничего не делайте! Мы сами все сыграем. Просто сидите тихо. А еще лучше вообще отодвиньтесь!..

Музыканты начали играть, а я начал отодвигаться, естественно, вместе со стулом, издавая при этом страшный скрип. Пианистка гневно глянула на меня. Я отодвинулся еще дальше. Она опять посмотрела. Я опять отодвинулся. Потом еще и еще... Таким образом, пока они играли, я проделал довольно неблизкий путь от центра сцены в ее конец и очутился на самом краю.

В зале недоуменно перешептывались. Потом-то я понял причину. «Ну правильно, – размышляли там. – Великий Паганини, наверное, что-то имел в виду, назвав свою пьесу «Вечное движение», но зачем нужно иллюстрировать это гениальное произведение бесконечной ездой по сцене, да еще верхом на скрипучем стуле?!»

– Да когда же это наконец закончится?! – не выдержал скрипач и, прервав исполнение, сделал шаг в мою сторону, собираясь, по-видимому, оторвать мне голову.

Я в ужасе отпрянул назад... И вместе со стулом полетел со сцены в зрительный зал.

Тут началось что-то невообразимое. И продолжалось довольно долго. А поскольку ни музыканты, ни ведущая из-за кулис больше не появлялись, то я, чтобы хоть как-то прекратить весь этот смех, свист и улюлюканье, опять вскарабкался на сцену и очень торжественно произнес: «Концерт окончен!»

Потом, много лет спустя, я часто пытался смешить народ своими рассказами, выступая на разных сценах, в том числе и на сцене Одесской филармонии, но такого гомерического хохота я уже не слышал никогда. Вот уж был поистине оглушительный провал!

Наверное, в ту ночь я не умер от позора только потому, что одна знакомая девушка до самого утра утешала меня, сидя рядом на скамейке пустынного Приморского бульвара, и к утру наконец утешила...

И тогда же, к утру, с первыми лучами солнца, встающего над обожаемым мною городом, я начал смутно догадываться, что стремление к славе вообще глупейшая вещь. И единственное, чего можно добиться на этом пути, так это падения с большой высоты, да еще и вместе со стулом.

А единственное, чего можно желать для себя в этой жизни, так это собственно жизни. Причем как можно более долгой. И нужно для этого очень немного: каждое утро – такой вот

рассвет, каждую ночь – такая вот девушка, ну и каждый день, конечно, одна зеленая луковица и одно красное яблоко.

Отъезд коммуниста

Давным-давно, когда никто в Одессе еще и не слышал про эту самую границу, а у некоторых еще даже не было вызова, Боря Брант, скромный закройщик одесского ателье «Счастье», сел однажды утром и написал сразу два заявления. Первое – в партком, с просьбой принять его в ряды Коммунистической партии Советского Союза, а второе – в дирекцию, с просьбой уволить его с работы в связи с отъездом на постоянное место жительства в государство Израиль.

– Ты что, Боря, с ума сошел? – спросила его жена, имея в виду первое заявление.

– Нет, пусть они мне объяснят!.. – упрямо ответил Боря, и жена отошла, безнадежно махнув рукой, так как знала, что если уж Боря хотел, чтобы ему что-нибудь объяснили в этой стране, то он обычно шел до конца. То есть аж до тех пор, пока ему наконец действительно не объясняли, после чего он на некоторое время успокаивался, лечился...

Собрание, на котором Борю клеймили в связи с отъездом, было обычным. Сначала его долго обзывали крысой, бегущей с тонущего корабля. Но потом представитель райкома товарищ Коноводченко сказал, что про тонущий корабль – это, пожалуй, слишком, и в протоколе записали, что Боря бежит как крыса с нашего быстроходного лайнера.

Потом выступал ветеран ВОХРа товарищ Шварц (о котором в городе ходили слухи, что в свое время он был единственным участником еврейских погромов не с той стороны) и говорил о том, что в 29-м году его родители уезжали на жительство в Палестину и на него уже был куплен билет, но он как комсомольски настроенный пионер героически спрятался... Впрочем, его выступление Боря почти не слушал. Но когда поднялся секретарь партийной ячейки старший закройщик Кац и объявил, что перед отъездом Боря просит принять его в партию, из чего следует, что их бывший товарищ не только негодяй, но и сумасшедший, Боря не выдержал и начал выяснять интересующий его момент.

– А почему, собственно, нет? – спросил он. – Нет, вы мне все-таки объясните!.. Партия у нас какая, интернациональная?

– Ну... – подтвердил товарищ Коноводченко.

– Так почему же тогда здесь я могу бороться за ее идеалы, а в Израиле уже нет? Я, между прочим, всегда сочувствовал большевикам, а сейчас так просто глубоко сочувствую!..

– Издеваетесь? – поинтересовался товарищ Коноводченко.

– Почему же? – искренне огорчился Боря. – Скажу вам больше! Здесь нас, большевиков, пока еще, слава богу, никто не притесняет... А там я же буду, так сказать, на переднем крае борьбы! Так что туда вы, по-моему, вообще должны посылать лучших из лучших!

– Та-ак... – сказал секретарь партийной ячейки Кац. – Интересно... Но тогда почему же ты думаешь, Боря, что это должен быть именно ты? В таком случае среди нас есть и более достойные кандидатуры. Про себя я уже молчу, но вот, например, товарищ Шварц. Человек столько сделал для нашей сегодняшней счастливой жизни! Так пусть он хоть пару лет в Израиле поживет по-человечески!

– Товарищи! – засуетился Шварц. – В двадцать девятом году мои родители уезжали на жительство в Палестину, и на меня уже был куплен билет...

– Да слышали мы! – закричали из зала. – Слышали! Не хочешь ехать – не надо!

– Нет, вы меня не поняли, – не унимался Шварц. – Наоборот! Я хочу спросить: как вы думаете, если я сейчас приду и скажу, что я просто опоздал на поезд?..

– Ишь, какой хитрый! – закричали из зала. – Тут, между прочим, многие хотели бы пожить на переднем крае!..

– Спокойно, товарищи! – сказал секретарь Кац. – Сейчас мы составим список. Как вы думаете, товарищ Коноводченко, или мы что-нибудь неправильно делаем?

– Да нет... – задумался представитель. – Раз уж сложилось такое мнение... – И неожиданно закончил: – Тогда уж, пожалуй, записывайте и меня.

Зал зааплодировал.

– Товарищи! – вскочила председатель профкома Нефедова. – Раз уж мы говорим о лучших, я думаю, будет неправильно, если мы не внесем в этот список секретарей нашего райкома товарищей Брыля и Сероштаненко. Молодые, растущие партработники! Уверена, что простые израильские евреи будут нам за них очень благодарны!

– Ага! – донеслось из зала. – Сильно бы они росли, если бы их в обкоме не поддерживали!

Включили и товарищей из обкома. Собрание продолжалось долго, и уже никого не удивило, когда в конце концов под единодушные аплодисменты участников в список отъезжающих на постоянное место жительства в Израиль было внесено все Политбюро ЦК КПСС во главе с верным продолжателем дела Ленина, руководителем нового типа товарищем Леонидом Ильичом Брежневым.

– Минуточку! – вспомнил вдруг кто-то. – А как же Боря? Борю-то мы и не вписали!..

– А знаете что? – сказал Боря. – Я вот тут подумал... Если все эти люди уедут... то я бы, пожалуй, остался...

Вот такое собрание, говорят, было когда-то в одесском ателье «Счастье». А было ли оно таким на самом деле или нет – спросить об этом уже некого. Потому что никого из участников этой истории в Одессе давным-давно уже не осталось...

Наметанный глаз

Если бы у Коли и Оли спросили в тот день: «Какой самый короткий месяц в году?» – они бы не задумываясь ответили: «Медовый». Только через четыре месяца после его начала, когда у Оли наконец впервые возникла потребность в платье (во всяком случае, в выходном), они с Колей вышли из своей комнаты в общежитии, держа в руках отрез крепдешина, купленный молодым на свадьбу в складчину всеми студентами и преподавателями родного техникума, и направились к дамскому портному Перельмутеру.

В тот день Коля точно знал, что его жена – самая красивая женщина в мире, Оля точно знала, что ее муж – самый благородный и умный мужчина, и оба они совершенно не знали дамского портного Перельмутера, поэтому не задумываясь нажали кнопку его дверного звонка.

– А-а!.. – закричал портной, открывая им дверь. – Ну наконец-то! – закричал этот портной, похожий на композитора Людвига ван Бетховена, каким гениального музыканта рисуют на портретах в тот период его жизни, когда он сильно постарел, немного сошел с ума и сам уже оглох от своей музыки.

– Ты видишь, Римма? – продолжал Перельмутер, обращаясь к кому-то в глубине квартиры. – Между прочим, это клиенты! И они все-таки пришли! А ты мне еще говорила, что после того, как я четыре года назад сшил домашний капот для мадам Лисогорской, ко мне уже не придет ни один здравомыслящий человек!

– Мы к вам по поводу платья, – начал Коля. – Нам сказали...

– Слышишь, Римма?! – перебил его Перельмутер. – Им сказали, что по поводу платья – это ко мне. Ну слава тебе, Господи! Значит, есть еще на земле нормальные люди. А то я уже думал, что все пошло с ума. Только и слышно вокруг: «Карден!», «Диор!», «Лагерфельд!»... Кто такой этот Лагерфельд, я вас спрашиваю? – кипятился портной, наступая на Колю. – Подумаешь, он одевает английскую королеву! Нет, пожалуйста, если вы хотите, чтобы ваша жена в ее юном возрасте выглядела так же, как выглядит сейчас английская королева, можете пойти к Лагерфельду!..

– Мы не можем пойти к Лагерфельду, – успокоил портного Коля.

– Так это ваше большое счастье! – в свою очередь успокоил его портной. – Потому что, в отличие от Лагерфельда, я таки действительно могу сделать из вашей жены королеву. И не какую-нибудь там английскую! А настоящую королеву красоты! Ну а теперь за работу... Но вначале последний вопрос: вы вообще знаете, что такое платье? Молчите! Можете не отвечать. Сейчас вы мне скажете: рюшечки, оборочки, вытачки... Ерунда! Это как раз может и Лагерфельд. Платье – это совершенно другое. Платье, молодой человек, это прежде всего кусок материи, созданный для того, чтобы закрыть у женщины все, на чем мы проигрываем, и открыть у нее все, на чем мы выигрываем. Понимаете мою мысль? Допустим, у дамы красивые ноги. Значит, мы шьем ей что-нибудь очень короткое и таким образом выигрываем на ногах. Или, допустим, у нее некрасивые ноги, но красивый бюст. Тогда мы шьем ей что-нибудь длинное. То есть закрываем ей ноги. Зато открываем бюст, подчеркиваем его и выигрываем уже на бюсте. И так до бесконечности... Ну, в данном случае, – портной внимательно посмотрел на Олю, – в данном случае, я думаю, мы вообще ничего открывать не будем, а будем, наоборот, шить что-нибудь очень строгое, абсолютно закрытое от самой шеи и до ступней ног!

– То есть как это «абсолютно закрытое»? – опешил Коля. – А... на чем же мы тогда будем выигрывать?

– На расцветке! – радостно воскликнул портной. – Эти малиновые попугайчики на зеленом фоне, которых вы мне принесли, по-моему, очень симпатичные! – И, схватив свой портняжный метр, он начал ловко обмерять Олю, что-то записывая в блокнот.

– Нет, подождите, – сказал Коля, – что-то я не совсем понимаю!.. Вы что же, считаете, что в данном случае мы уже вообще ничего не можем открыть? А вот, например, ноги... Чем они вам не нравятся? Они что, по-вашему, слишком тонкие или слишком толстые?

– При чем здесь... – ответил портной, не отрываясь от работы. – Разве тут в этом дело? Ноги могут быть тонкие, могут быть толстые. В конце концов, у разных женщин бывают разные ноги. И это хорошо! Хуже, когда они разные у одной...

– Что-что-что? – опешил Коля.

– Может, уйдем отсюда, а? – спросила у него Оля.

– Нет, подожди, – остановил ее супруг. – Что это вы такое говорите, уважаемый? Как это – разные?! Где?!

– А вы присмотритесь, – сказал портной. – Неужели вы не видите, что правая нога у вашей очаровательной жены значительно более массивная, чем левая. Она... более мускулистая...

– Действительно, – присмотрелся Коля. – Что это значит, Ольга? Почему ты мне об этом ничего не говорила?

– А что тут было говорить? – засмушалась та. – Просто в школе я много прыгала в высоту. Отстаивала спортивную честь класса. А правая нога у меня толчковая.

– Ну вот! – торжествующе вскричал портной. – А я о чем говорю! Левая нога у нее нормальная. Человеческая. А правая – это же явно видно, что она у нее толчковая. Нет! Этот дефект нужно обязательно закрывать!..

– Ну допустим, – сказал Коля. – А бюст?

– И этот дефект тоже.

– Что – тоже? Почему? Мне, наоборот, кажется, что на ее бюсте мы можем в данном случае... это... как вы там говорите, сильно выиграть... Так что я совершенно не понимаю, почему бы нам его не открыть?

– Видите ли, молодой человек, – сказал Перельмутер, – если бы на моем месте был не портной, а, например, скульптор, то на ваш вопрос он бы ответил так: прежде чем открыть какой-либо бюст, его нужно как минимум установить. Думаю, что в данном случае мы с вами имеем ту же проблему. Да вы не расстраивайтесь! Подумаешь, бюст! Верьте в силу человеческого воображения! Стоит нам правильно задрапировать тканью даже то, что мы имеем сейчас, – и воображение мужчин легко дорисует под этой тканью такое, чего мать-природа при всем своем могуществе создать не в силах. И это относится не только к бюсту. Взять, например, ее лицо. Мне, между прочим, всегда было очень обидно, что такое изобретение древних восточных модельеров, как паранджа...

– Так вы что, предлагаете надеть на нее еще и паранджу? – испугался Коля.

– Я этого не говорил...

– Коля, – сказала Оля, – давай все-таки уйдем.

– Да стой ты уже! – оборвал ее муж. – Должен же я, в конце концов, разобраться... Послушайте... э... не знаю вашего имени-отчества... ну, с бюстом вы меня убедили... Да я и сам теперь вижу... А вот что если нам попробовать выиграть ну, скажем, на ее бедрах?

– То есть как? – заинтересовался портной. – Вы что же, предлагаете их открыть?

– Ну зачем, можно же, как вы там говорите, подчеркнуть... Сделать какую-нибудь вытачку...

– Это можно, – согласился портной. – Только сначала вы мне подчеркнете, где вы видите у нее бедра, а уже потом я ей на этом месте сделаю вытачку. И вообще, молодой человек, перестаньте морочить мне голову своими дурацкими советами! Вы свое дело уже сделали. Вы женились. Значит, вы и так считаете свою жену самой главной красавицей в мире. Теперь моя задача – убедить в этом еще хотя бы нескольких человек. Да и вы, барышня, тоже – «пойдем отсюда, пойдём!»! Хотите быть красивой – терпите! Все. На сегодня работа закончена. Примерка через четыре дня.

Через четыре дня портной Перельмутер встретил Колю и Олю прямо на лестнице. Глаза его сверкали.

– Поздравляю вас, молодые люди! – закричал он. – Я не спал три ночи. Но знаете, я таки понял, на чем в данном случае мы будем выигрывать. Кроме расцветки, естественно. Действительно на ногах! Да, не на всех. Правая нога у нас, конечно, толчковая, но левая-то – нормальная. Человеческая! Поэтому я предлагаю разрез. По левой стороне. От середины так называемого бедра до самого пола. Понимаете? А теперь представляете картину: солнечный день, вы с женой идете по улице. На ней новое платье с разрезом от Перельмутера. И все радуются! Окружающие – потому что они видят роскошную левую ногу вашей супруги, а вы – потому что при этом они не видят ее менее эффектную правую! По-моему, гениально!

– Наверное... – кисло согласился Коля.

– Слышишь, Римма! – закричал портной в глубину квартиры. – И он еще сомневается!..

Через несколько дней Оля пришла забирать свое платье уже без Коли.

– А где же ваш достойный супруг? – спросил Перельмутер.

– Мы расстались... – всхлинула Оля. – Оказывается, Коля не ожидал, что у меня такое количество недостатков.

– Ах вот оно что!.. – сказал портной, приглашая ее войти. – Ну и прекрасно, – сказал этот портной, помогая ей застегнуть действительно очень красивое и очень идущее ей платье. – Между прочим, мне этот ваш бывший супруг сразу не понравился. У нас, дамских портных, на этот счет наметанный глаз. Подумаешь, недостатки! Вам же сейчас, наверное, нет восемнадцати. Так вот, не попрыгаете годик-другой в высоту – и обе ноги у вас станут совершенно одинаковыми. А бедра и бюст... При наличии в нашем городе рынка «Привоз»... В общем, поверьте мне, через какое-то время вам еще придется придумывать себе недостатки. Потому что, если говорить откровенно, мы, мужчины, женскими достоинствами только любуемся. А любим мы вас... я даже не знаю за что. Может быть, как раз за недостатки. У моей Риммы, например, их было огромное количество. Наверное, поэтому я и сейчас люблю ее так же, как и в первый день знакомства, хотя ее уже десять лет как нету на этом свете.

– Как это нету? – изумилась Оля. – А с кем же это вы тогда все время разговариваете?

– С ней, конечно! А с кем же еще? И знаете, это как раз главное, что я хотел вам сказать про вашего бывшего мужа. Если мужчина действительно любит женщину, его с ней не сможет разлучить даже такая серьезная неприятность, как смерть! Не то что какой-нибудь там полусумасшедший портной Перельмутер... А, Римма, я правильно говорю? Слышите, молчит. Не возражает... Значит, я говорю правильно...

Один день Бориса Давидовича

*Дающий быстро дает дважды.
Поэт Юрий Михайлик о герое этого очерка*

Она просыпается всегда за несколько минут до него. Всмотривается в любимое лицо. Тяжело вздыхает...

«Стареет, – думает она. – Вот опять новая морщина появилась. И длинная какая... От правого уха через щеку и подбородок... Аж до самой ноги... Ему бы отдохнуть пару дней... Но кому говорить?... Разве они поймут? Люди... А вдруг с ним что-нибудь?! – она вздрагивает. – А у меня дети. В этом месяце их опять четверо... Кто о них позаботится?... Кстати, взглянуть, как они там...»

Она спрыгивает на пол и направляется к картонному ящику, стоящему под столом. От этого прыжка он просыпается.

– Вот же ты сволочь, Джулька! – говорит он. – Чего расшумелась? Мог бы еще подремать. Все-таки воскресенье. Ну ладно. Раз уж поднялись – пошли на работу.

Через какое-то время оба уже сидят в маленькой комнатке на улице Пушкинской, которая громко именуется кабинетом директора детской спортивной школы, он – за столом, уставленным телефонами, она – под столом, и смотрят на дверь. Появляется первый посетитель.

«Ага, – думает Джулька, разглядывая его из-под стола. – Старые сандалии на босу ногу, штаны с бахромой... Значит, у него или крыша течет, или отопление не работает, или желудок... В общем, наши обычные воскресные дела...»

– Здравствуйте, Борис Давидович! – говорит вошедший. – Вы меня, конечно, не знаете, но ваш сосед с первого этажа должен был с вами обо мне говорить... Видите ли, дело в том...

– Ну почему же не знаю? – перебивает его Борис Давидович. – Присаживайтесь. Попробуем что-нибудь сделать.

И тут же начинает накручивать домашний телефон начальника жэка.

– Але! – говорит он в трубку. – Это гордость нашей эпохи господин Иванов Петр Максимович? Приветствую вас. Извините, что в воскресенье... Да, это Боренька... Значит, слушай сюда. У меня сейчас в кабинете сидит самый близкий мне человек. Брат. Фамилия его... Нет, почему такая же, как у меня? Ах, потому что брат!.. Ну тогда, считай, он двоюродный... И фамилия его... – Борис Давидович закрывает трубку ладонью. – Как ваша фамилия?

– Степанов Илья Ефимович, – говорит посетитель.

– Степанов его фамилия, – повторяет Борис Давидович в трубку. – Это красивый, светлый человек. Ветеран войны, ветеран труда. Пятьдесят лет проработал на одном заводе! Так может он получить у вас квартиру, в конце концов?!

– Нет-нет!.. – панически шепчет посетитель. – Я не проработал на одном заводе пятьдесят лет! Мне всего сорок два!.. Так что и в войне я не участвовал... И квартира мне, честно говоря, не нужна! То есть нужна, конечно... Но разве они...

– Спокойно! – говорит ему Борис Давидович, прикрыв трубку. – А ну сиди ровно! Боренька знает, что делает. – И продолжает уже в трубку: – Значит, квартиру он у вас получить не может. Хорошо... Ну а крышу вы ему отремонтировать способны? Ах, тоже нет?!

– Мне только батарею поменять! – умоляюще шепчет посетитель.

– Так! – как бы не слыша его, продолжает Борис Давидович. – А на что вы тогда способны там, в своем жэке? Какую-нибудь батарею несчастную он, знаете ли, и без вас поменять может. Ах, это вы как раз тоже можете? Ну и прекрасно. Тогда, значит, вы ее ему и поменяете! *(Закрывает трубку.)* Понял? Вот так. А что, по-твоему, Боренька уже вообще ничего не соображает? Если бы я начал с какой-нибудь там батареи, самое большее, на что бы он согла-

сился – это покрасить тебе почтовый ящик!.. (*В трубку.*) Так, значит, мы договорились, Петр Максимович? При каком еще условии? Что-что-что? Если я устрою тебе встречу с Николаем Степановичем?! С самим?! Ну, знаешь ли, это... Ладно, не вешай трубку. (*Крутит диск на другом телефоне.*) Але! Это дача Николая Степановича? То есть как это – кто говорит? Не узнала, Наденька? А кто тебя больше всех любит? Правильно, Боренька! Узнала, узнала... А где там наш гигант мысли? Отец русской... ой, извините, украинской демократии? Спит? Да быть такого не может. Я думал, он вообще никогда не спит. Мы же тут все только и живем благодаря его неусыпному руководству! Разбудить? Нет. Пускай уже спит. Может быть, мы в этом случае, наоборот, проживем на какое-то время дольше... Шучу!.. Слушай, Надюша, тут у меня на проводе человек, дороже которого у меня никого нет в жизни. Мой отец! Это Иванов из тридцать первого жэка... Почему он не может быть мне отцом?! Потому что он в два раза младше меня? Ну и что? Просто он очень рано начал... Хорошо, тогда сын. Это неважно. Главное, что это красавец. Чистый человек. Нужно устроить ему встречу с твоим благоверным. Что-то там по бюджету... Что-что-что? Какому чистому красавцу ты уже устраивала такую встречу на прошлой неделе по моей просьбе?! Ах, этому... М-да... И что, твой супруг его принял?.. Вот это напрасно... Знаешь, оказалось, что этот красивый, чистый человек на самом деле – уродливое, грязное животное...

Здесь требуется пояснение. Кроме того, что пять дней в неделю Борис Давидович руководит детской спортивной школой, семь дней в неделю он руководит еще и реабилитационным центром для детей-инвалидов, построенным здесь же на Пушкинской исключительно благодаря его неумной энергии. Как ему удалось без гроша в кармане построить этот центр, в котором к тому же лечат детей бесплатно, – это уже не тема для рассказа. Это тема для большого научно-фантастического романа. Во всяком случае, с тех пор как Борис Давидович загорелся этой идеей, все люди в его сознании четко разделились на две категории: красивые, светлые личности – то есть те, кто помогает центру или может ему помочь, и уродливые, грязные животные – те, кто не помогает или еще помогает, но может в любой момент отказаться...

Но к центру Бориса Давидовича мы еще вернемся. А сейчас вернемся к его телефонным разговорам.

– Наденька, лапа моя родная, – рокочет Борис Давидович в трубку своим неотразимым баритоном, – значит, я могу рассчитывать, что твой гигант русской мысли примет мою гордость нашей эпохи?.. Ну, в смысле моего отца... Или сына... В общем, ты понимаешь, о ком я говорю... Только в каком случае? Если я достану для твоих родственников, живущих в Тбилиси, два билета на спектакль Резо Габриадзе? Ничего себе... Слушай, а попроще их ничего не устроит? Например, если я достану им два билета на представление Одесского цирка?.. Приедут – посмотрят... Нет-нет, подожди! Не вешай трубочку. Хорошо, сейчас попробую... Значит, Резо... Резо... (*Борис Давидович начинает крутить диск следующего телефона, на ходу вспоминая номер.*) Але! Резо, дорогой! Это Боренька из Одессы. Надеюсь, ты рад меня слышать? Нет, я понимаю, что у тебя в зале помещается всего сто пятьдесят человек... Я знаю, что к тебе от меня уже приходили... Что значит – три? Три человека?.. Ах, три полных зала!.. Ну так тем более, что тебе тогда еще два билета?.. Слушай, ты же сам говорил: искусство создано для того, чтобы человеку в этом мире стало хоть немножечко теплее... Так это как раз тот случай! Благодаря твоему искусству человек получит радиатор парового отопления...

Последние фразы Борис Давидович произносит, внимательно приглядываясь к телевизору, стоящему в другом конце комнаты. По телевизору показывают баскетбольный матч. «За две минуты до конца игры, – говорит диктор, – одесситы проигрывают два очка. Удастся ли им что-нибудь сделать?..»

– Так! – кричит Борис Давидович во все телефоны одновременно. – Никто не вешает трубку! Мне нужно срочно сделать один звонок. Вопрос жизни и смерти! – И быстро накручивает диск последнего телефона: – Але! Это Дворец спорта? Срочно мне тренера Лебедев-

ского! Я понимаю, что он руководит игрой. Я даже вижу, как у него это получается! Передайте – Литвак на проводе!.. Лебедевский, ты почему не выпускаешь Козлюка? Ты что, не видишь, что у тебя Подопригора все подборы проигрывает? Козлюка, говорю, выпускай! Я его зачем десять лет в своей школе учил? Чтобы он у тебя на скамейке трусы просиживал?..

«В команде одесситов замена, – доносится из телевизора. – Мяч у молодого Козлюка. Бросок! Одесситы сравнивают счет. Еще бросок! Они выходят вперед!..»

– Понял, Лебедевский?! – гремит Борис Давидович в трубку. – Всегда слушай Боречку! Черта с два бы вы в прошлом году чемпионами стали, если бы у меня телевизор хуже показывал! Все! Можешь повесить трубку! Остальные еще не повесили?.. Значит, делаем так. Резо, дорогой, даешь два билета родственникам Наденьки. Надюша, милая, устраиваешь Петру Максимовичу встречу с Николаем Степановичем. Петр Максимович, устанавливаешь Илье Ефимовичу радиатор парового отопления... Всем до свиданья!

– Даже не знаю, как вас благодарить... – шепчет растерянный посетитель.

– А меня-то за что? – удивляется Борис Давидович. – Кстати, вы чем занимаетесь?

– Ремонтирую слуховые аппараты.

– Так это же как раз то, что мне нужно! Значит, завтра к вам зайдет один старик. Абсолютно глухой. Отремонтируйте ему, ради бога, его аппарат, а то я уже месяц ему кричу, что я этим не занимаюсь, а он ничего не слышит!

Потом Джулька видит из-под своего стола потрепанные лакированные ботинки известного одесского артиста, у которого, по его мнению, несправедливо отобрали водительские права, и теперь ему нечем зарабатывать себе на жизнь. Потом – изящные босоножки элегантной дамы среднего возраста. Она просит Бориса Давидовича, чтоб ее осмотрели врачи его центра.

– Но он же детский! – удивляется Борис Давидович. – А вы, извините, на школьницу уже не похожи.

– Ну вот, – горестно вздыхает дама. – Я же вам говорю, что в последнее время я плохо выгляжу...

В конце концов Борис Давидович устраивает ей визит к взрослому доктору.

Потом Джулька видит еще какую-то обувь... Еще... Вечерет.

– Ко мне еще кто-нибудь есть? – спрашивает Борис Давидович у воскресной дежурной по школе Эммы Францевны.

– Двое, – говорит она. – Посол Соединенных Штатов Америки, специально из Киева приехал, и сантехник из центра.

– Пускайте обоих, – кивает Борис Давидович.

– О, господин Литвак! – появляясь в кабинете, восторженно разводит руками мужчина заграничного вида. – Я только что осмотрел ваш потрясающий центр!

– Я тоже осмотрел, – мрачно вторит ему сантехник.

– Я много слышал об этом центре, – продолжает посол, – но то, что я увидел, меня поразило!

– И меня поразило, – соглашается сантехник. – В подвале трубы полопались. На первом этаже кто-то раковину расколот...

– Думаю, что нигде в мире, – продолжает посол, – мы не найдем ничего подобного!

– Ну найти вообще-то можно, – говорит сантехник, – и трубы, и раковину. Например, на Староконном базаре. Но деньги нужны...

– Кстати, о деньгах, – подхватывает посол. – Я слышал, что у вас в центре бывали лидеры многих стран. Так что с деньгами и оборудованием, я думаю, у вас все в порядке!..

– О да! – соглашается Борис Давидович. – Тут мы идем со знаком плюс.

– То есть как? – спрашивает дипломат.

– Очень просто, – отвечает Борис Давидович. – После всех этих посещений у нас, правда, ничего не прибавилось, но, с другой стороны, ничего и не пропало!

После чего посол откланивается. А сантехник остается. И, устало глядя на него, Борис Давидович начинает в очередной раз накручивать диск телефона.

– Коля, – говорит он в трубку. – Ты же красивый, чистый человек. Честный бизнесмен!

– Это я честный бизнесмен?! – доносится из трубки удивленный голос некоего Коли. – Борис Давидович, дорогой, может быть, вы номер перепутали?

– Перестань, Коля, не скромничай, – настаивает Борис Давидович. – Я же лучше тебя знаю твою благородную душу! Просто ты своих денег тратить не умеешь. Ну кто когда-нибудь вспомнит, на каком «Мерседесе» ты ездил? А ты перечисли немного на наш центр. Мы сантехнику новую купим. Возле каждого унитаза таблички повесим с твоим именем. Тебя же люди по сто раз на день вспоминать будут с благодарностью!..

Под этот до боли знакомый текст Джулька начинает засыпать.

...Когда она просыпается, за окном уже совсем темно. А перед Борисом Давидовичем стоит и вовсе странный человек. Маленький, сухонький, в сапожках и френче, с жокейской шапочкой на голове.

– Умоляю вас! – говорит он плачущим голосом. – Поймите, эта кобыла отказывается есть тот овес, который имеется на нашем ипподроме. И мне сказали, что только вы...

– Что? Могу ее уговорить? – спрашивает Борис Давидович.

– Нет. Ну зачем же... Просто ее привезли сюда из Новой Зеландии специально для улучшения нашей породы. И вот теперь все говорят, что, если вы возьметесь за это дело...

– За какое такое дело? Вы что, с ума сошли?!

– Достать ей нужный овес...

Примерно через час Борис Давидович и Джулька покидают наконец свой директорский кабинет.

Они выходят на сказочно прекрасную ночную улицу Пушкинскую, где в окружении вечных одесских платанов сияет под луной белая громада построенного Литваком детского реабилитационного центра, и думают каждый о своем.

«Литвак построил... Литвак создал... – думает Борис Давидович, глядя на это здание и на золотого ангела, парящего над входом в него. – Да разве тут в Литваке дело?! Ее это идея была. Ее... «Что ж ты, папа, – говорила она, – самых здоровых к себе в спортивную школу отбираешь, а о больных кто подумает?» Ну вот, подумал, построил. Только она этого уже никогда не увидит, доченька моя единственная... Никогда... Господи Боже ты мой, ну как же после этого верить в твою справедливость?..»

«Нет, что ни говори, – думает Джулька, – а с хозяином мне не очень-то повезло... Хотя, понятное дело, он и о себе вспоминает не часто, разве ж ему до меня?.. А тут щенки. В этом месяце опять четверо. Кому б их пристроить?..»

– Да, Джульетта, – вдруг говорит Борис Давидович, – совсем забыл сказать. Насчет щенков твоих я еще вчера договорился. Хорошие люди. Берут всех четверых. Правда, за это я обещал поставить им телефон...

И они отправляются спать. Все. Выходной день окончен. Завтра будет трудный. Рабочий.

Биндюжник и профессор

Если бы я не знал, с кого писал Исаак Бабель своего знаменитого Фроима Грача, я был бы абсолютно уверен, что он писал его с Бени Берковича. И это несмотря на то, что Фроим Грач, как известно, был биндюжник, а Бенья Беркович – профессор скрипки в нашей консерватории. Все остальное совпадало полностью. Широкоплечий, коренастый, с бычьей шеей и яростными глазами навывкате, Бенья, как и Фроим, не отличался особой интеллигентностью. Да и на скрипке, честно говоря, никто не слышал, чтобы он когда-нибудь играл...

Но любая одесская мамаша, обсуждая со знатоками этого дела, кому бы отдать своего отпрыска учиться на будущего Яшу Хейфеца, всегда слышала в ответ одно и то же:

– Бене, и только Бене!.. Все остальное – выброшенные деньги!..

И так утверждали не случайно. Дело в том, что в крупной, поросшей рыжей щетиной Бениной голове постоянно вертелась какая-то странная, непонятно как попавшая туда пластинка с идеальным исполнением самых сложных скрипичных произведений. И пока Бенья, прислушиваясь к ней, не добивался от своих учеников хотя бы отдаленного сходства с идеалом, он не успокаивался. Средства воздействия на учеников в данном случае он применял примерно те же, что и Фроим Грач по отношению к лошадям. То есть окрики, понукания и побои.

– Быстрее! Быстрее, я вам говорю!.. – доносилось, бывало, во время занятий из Бениного класса. – Ну кто же в таком темпе играет Чайковского?! Только такой недоношенный мерин, как вы, Рафалович!.. А ну-ка еще быстрее! Еще!.. Пошел, я тебе говорю. Пошел!.. А то как огрею смычком!.. Что, устал? Ну хорошо... Стой! Да стой ты уже, черт бы тебя побрал... Тпру!.. Вот же глупая скотина! То не разгонишь его, то не остановишь... Ладно, отдохни, так уж и быть... Попей водички...

Надо сказать, что такая методика давала совсем не плохие результаты. Почти все Бенины ученики становились приличными скрипачами. Иногда очень приличными. Но, увы, не великими. А Бенья хотел воспитать именно великого. То есть такого, который обессмертил бы наконец его как педагога... Почему такой ученик не появлялся у него до сих пор, Бенья знал абсолютно точно.

– Вы же бездельники! – рокотал он на своих изможденных каторжным трудом воспитанников. – Ну сколько часов в сутки вы занимаетесь на скрипке? Ну десять-двенадцать. А должны заниматься двадцать шесть! В худшем случае – двадцать пять!

– Но в сутках всего двадцать четыре! – оправдывались ученики.

– Кто вам это сказал? – ярился Бенья. – Эту чушь придумали такие же ленивые обезьяны, как вы! А даже если предположить, что действительно двадцать четыре?.. Так вы бы что, занимались все это время? Вы же находите себе любые отговорки! Вам, видите ли, нужно есть, спать... Я знаю, что там еще!.. Студент Ковальчук, говорят, вчера вообще женился. А вот интересно, Ковальчук, расскажите своим товарищам, с кем вы провели эту вашу брачную ночь?

– С женой, естественно...

– Так я и думал! – торжествовал Бенья. – А знаете почему? Потому что Ковальчуку было абсолютно все равно, с кем провести эту ночь, только бы не с инструментом! В общем, о чем с вами разговаривать?!

Найти ученика, который мог бы долгие годы заниматься все двадцать четыре часа в сутки, постепенно стало для Бени идеей фикс. И в конце концов счастье ему улыбнулось.

Тихий тщедушный Сенечка, в возрасте семи лет найденный Бенией где-то на окраинах Кишинева, был явно одаренным мальчиком.

– Отдайте мне вашего ребенка, – заявил Бенья Сенечкиным родителям, – и я сделаю из него второго Яшу Хейфеца, чего бы ему это ни стоило...

– А если из Сенечки все-таки не получится второй Яша? – засомневались родители.

– Значит, вам придется родить себе второго Сенечку! – отрезал Бенья.

Короче говоря, вскоре Сенечка был переведен из своей кишиневской коммуналки в Бенину профессорскую квартиру, и великий педагогический эксперимент начался.

Конечно, сразу выйти на полных двадцать четыре часа занятий в сутки не удалось. Как и любому живому организму, какое-то время требовалось Сенечке для приема пусть даже очень скудной пищи. Да и ночью, когда профессор не мог этого контролировать, Сенечка забывался иногда коротким тревожным сном. Но каждое утро ровно в четыре часа его поднимал будильник, и дальше уже все шло по расписанию. С четырех до шести, чтобы не будить Бенью с женой, Сеня играл в туалете. Затем, когда хозяйева просыпались и шли в туалет, он на полчаса переходил заниматься в ванную, затем на кухню. Потом, пока профессор с женой завтракали на кухне, Сеня совершенствовался в коридоре. И только в восемь, когда все уходило на работу, в его распоряжении оставалась вся квартира, то есть кладовка, где его запирали, чтобы ничто не отвлекало от занятий. И выпускали только вечером, когда Бенья возвращался из консерватории и уже лично сам занимался с Сеней по несколько часов в кабинете, проверяя сделанное ребенком за день и давая ему задание на следующую ночь.

Так прошло Сенино детство, а затем отрочество и юность. Результат был феноменальным. На выпускном экзамене в нашей консерватории, где Сеня якобы занимался на заочном отделении с целью получения официального диплома, он в таком немыслимом темпе сыграл самую виртуозную программу, что обалдевшие члены комиссии еле успели вывести в своих ведомостях пятерки с плюсом. Но дальше нужно было сдавать научный коммунизм!.. А этот предмет, столь необходимый будущему второму Хейфецу, Сеня уже сдать не мог. Поскольку не прочитал в своей жизни ни одной, даже более интересной книги. Три раза пытался он сдавать – и все безрезультатно. И тогда в дело снова вмешался Бенья.

– Семен! – сказал он ученику. – Завтра ты в последний раз идешь сдавать научный коммунизм. Я уже договорился с преподавателем. Тебе зададут три вопроса. Вопрос первый, биографический: где ты родился? Ответ: в Кишиневе. Запомнил? Вопрос второй, по культуре: где находится Молдавский театр оперы и балета? Ответ: в Кишиневе. И, наконец, вопрос третий, политический (все-таки это научный коммунизм): как называется столица Молдавской Советской Социалистической Республики? Ответ – Кишинев. Тебе все ясно? Значит, экзамен завтра. То есть у тебя впереди еще целые сутки. Иди, готовься!

И Сеня сдал научный коммунизм! Он получил «четыре». Видимо, какой-то из этих вопросов все-таки вызвал у него затруднения...

Но это было еще не все. Как известно, Яша Хейфец номер один стал тем, кем он стал, только после того, как переехал из России в Америку. Этот же путь предстояло проделать и Хейфецу номер два. Конечно, в семидесятые годы отправить Сенечку в самое логово капитализма было даже для Бени сложнее, чем помочь ему сдать научный коммунизм. Но Бенья решил и эту задачу. Уж как он отыскал где-то в Черновцах еще сравнительно молодую вдову, имевшую разрешение на выезд в США с целью объединения с горячо любимой двоюродной тетей, остается загадкой. Но Бенья отыскал ее и представил своему ученику в качестве невесты.

– Бе-е-ениамин Моисеевич!.. – взмолился было Сеня, который при виде своей будущей жены сделался на какое-то время заикой.

– Прекрати! – строго прервал его профессор. – Да, она не Мерлин Монро. Но, по-моему, так даже лучше. Во всяком случае, ее внешний вид никогда не будет отвлекать тебя от занятий!

И молодая чета отбыла в Нью-Йорк.

А вся Одесса застыла в ожидании мирового триумфа Сени, а значит, и Бени. И ждала лет пятнадцать. Причем, как оказалось, совершенно напрасно.

Как выяснилось впоследствии, попав в Америку и оглянувшись вокруг, Сеня наотрез отказался ехать в Нью-Йорк, а, наоборот, узнав, что какой-то оркестрик в тихом провинциальном городке остро нуждается в скрипаче на последний пульт вторых скрипок, поехал прямо

туда. Услышав его игру, местный дирижер, естественно, чуть не упал в обморок и сразу же предложил Сене работу солиста. Но Сеня наотрез отказался.

– В гробу я видел так упираться! – заявил он. – Только вторые скрипки! И только последний пульт! Не возьмете – уеду!..

– Да что вы такое говорите! – испугался дирижер. – Конечно, возьмем! В конце концов, Бостонский оркестр славится тем, что у них самая лучшая в мире струнная группа. Чикагский – что духовая. Так мы теперь прославимся тем, что у нас самый лучший в мире последний пульт вторых скрипок!..

– А вот теперь все! – объявил Сеня жене, получив первую зарплату. – С этого дня я начну возвращать себе то, чего меня лишили в детстве!

И начал возвращать. На скрипке он больше не занимался. Играл только на работе. Все остальное время на протяжении нескольких лет Сеня безудержно ел. Пирожные, мороженое, конфеты. Ел и смотрел телевизор. На остальные деньги каждый день покупал себе детские игрушки: машинки, самолетки, танки... Потом начал читать. Выписал из России «Дядю Степу» и «Приключения Незнайки». Годом к сорока прочел «Тимура и его команду» и начал заглядываться на старшеклассниц...

Я встретил его недавно в Америке прямо на улице. В огромном розовощеком толстяке можно было узнать нашего Сенечку, только если предположить, что его кто-то долго и упорно накачивал автомобильным насосом.

– Ты уже сегодня обедал?! – закричал он мне вместо приветствия. – Очень хорошо. Я тоже. Значит, сейчас будем обедать опять. В этой стране вообще глупо обедать один раз в день. Ты посмотри, сколько вокруг всего наготовлено... И обязательно передай Бене, что я ему очень благодарен. Ну, действительно, как тут живет наша эмиграция? Работа, работа и еще раз работа... А я благодаря Бене все свое уже отработал в Одессе. Теперь вот здесь отдыхаю... Было бы ужасно, если б получилось наоборот...

«Не передам, – думал я, возвращаясь в Одессу. – Наверное, Бене это не понравится. Человек так мечтал воспитать второго Яшу Хейфеца – и что получилось?»

А может, он сам виноват? Может быть, в деле воспитания гениев и лошадей нужен не только кнут, но и пряник? То есть хотя бы чуточку любви и свободы? Странно, что такой профессор, как Бенья, этого не знал. Вот Фроим Грач небось понимал эту простую истину. Может, поэтому Бабель и не писал своего Фроима с нашего Бени? Да, что ни говори, а хорошего биндюжника можно написать не с каждого профессора.

Пьяный переулочок

Мы живем в плену предрассудков. Вот говорят: литр спирта – смертельная доза для человека. А кто проверял? Никто. Иностранцы – потому что боятся. Наши – потому что денег не хватает... Так что смертельная она или нет – еще не известно. Может, даже наоборот. Тут один пьяный человек с девятого этажа свалился. На трезвого человека. Так что бы вы думали? Трезвого в травматологию отвезли, а пьяному хоть бы хны! Так это он после пол-литра водки свалился. А если бы после литра? Да еще спирта?! Так где бы он тогда уже был, этот трезвый?..

В общем, неясно что-то с этой смертельной дозой. Может, она как раз раскрывает в человеке какие-то невероятные способности? Надо бы эксперимент провести.

Хотя что я темню... Был такой эксперимент, был! И результаты он дал просто необыкновенные!..

Все началось с того, что в гастроном на углу Мукачевского переулочка завезли «Біле міцне». Помните, было такое вино когда-то? Жутковатый напиток. Тот, кто не пил, – тот помнит. А тут еще какой-то чудак на базе что-то напутал и в накладной на это вино в графе «цена» поставил прочерк не перед словом «коп.», а перед словом «руб.». А единицу – не перед словом «руб.», а перед словом «коп.». Получилось, цена бутылки – копейка.

Продавщица заподозрила было что-то, но потом махнула рукой: это что, ее магазин?..

И началось!

Жители Мукачевского, бывало, это вино и по рублю моментально расхватывали. А тут ящиками понесли! «Видимо, это у них там, наверху, или коммунизм начался, – размышляли они, – или конец света. Во всяком случае, что-то такое, что долго продолжаться не может. Так что нужно успеть...»

Целую неделю Мукачевский переулочок пил не переставая. Но в конце концов у Саввы, Славы и Павы – трех алкашей, известных даже в Мукачевском переулочке под прозвищем Три Поросенка, копейки кончились раньше, чем в гастрономе бутылки. Тогда Пава вспомнил, что ему на фабрике слепых, где он числился сторожем, к Международному дню солидарности трудящихся, наверное, положена премия. Вспомнив это, Пава уселся на буфер пятого трамвая и поехал на фабрику. А Савва и Слава легли под скамейку на трамвайной остановке и начали ждать.

Прошло два часа. Потом еще несколько. Пава не возвращался. Савва и Слава стали уже трезветь и даже заволновались. Но тут часы на одесском вокзале показали роковое число семь, и Павины приятели поняли, что волноваться уже бессмысленно, потому что наверняка произошло самое страшное.

Была только одна причина, способная помешать их другу вернуться до закрытия гастронома, в котором «Біле міцне» продавалось по одной копейке. И причиной этой могла быть только Павина смерть.

Весть о кончине Павла мигом разнеслась по Мукачевскому переулочку. И уже через несколько минут Савва и Слава во главе такой же еле держащейся на ногах делегации от скорбящей общественности ввалились в комнату старухи Кузьминичны – единственной Павиной родственницы.

– Давай, Кузьминична, это... доставай, что ты там накопила за свою трудовую жизнь! – волновались они. – Будем поминки устраивать. А то не по-христиански получается: такого человека, можно сказать, потеряли сегодня, а пьем, как в обычный день!..

– А вот хрена вам лысого! – возразила старушка, потягивая «Біле міцне». – Поминки им устраивай до похорон! А может, Пава и не помер совсем? Подумаешь, человек к закрытию гастронома не пришел! Так чего ж сразу «помер»? Мало ли что?.. Не пришел... Может, его просто паралич разбил? Или трамваем ноги отрезало?.. Чего ж сразу плохое-то думать?!

Но тут с недопитой бутылкой «Білого міцного», торчащей из кобуры, явился местный участковый по фамилии Гвоздь, и кое-что начало проясняться.

– Бабка, – заговорил он, – у тебя, я слышал, племянник сегодня пропал. А мне в райотделе сказали, что они там три дня назад труп какой-то нашли у себя перед окнами. Так, может быть, он?

– Ну вы даете!.. – засомневалась бабка. – Сегодня пропал... Три дня как нашли... Разве ж такое бывает?

– Бывает, – подтвердили Савва и Слава. – В милиции это часто бывает... Ты же пойми: если бы они его сегодня нашли, то есть в тот день, когда его убили, то это у них называется «оперативное раскрытие преступления»... А если за несколько дней до того, как его убили, – тогда это у них называется «профилактика»...

– Понимают, ханурики! – похвалил их Гвоздь. – А тебя, бабка, начальство теперь вызывает. Посмотреть. Опознать.

– Не пойду! – испугалась Кузьминична. – Я на него и при жизни смотреть не могла. А уж в таком состоянии... Боюсь!

– И напрасно, – сказал участковый. – Чего тут бояться? Лежит он себе тихий, спокойный... Правонарушений не совершает. Любо-дорого посмотреть... Если бы у меня на участке все уже были такими, так я бы и горя не знал!.. Только он зеленый какой-то...

– Значит, Пава, – твердо сказала старушка. – Это вам и любой подтвердит. Он у нас в переулке один такого зеленого цвета был. Потому что все остальные синие. Так что ты, Гвоздь, так и передай своему начальству, что это Пава и есть. Мол, ни покойник, ни родственники не возражают. А мы тебе за это взятку дадим!

– Советские милиционеры с мертвых взяток не берут! – гаркнул участковый. – Это нам и начальник каждый день говорит. Хотя нет... Он, кажется, говорит: только с мертвых не берут... Ну хорошо, Пава так Пава. Значит, так мы и зафиксируем. Тем более и товарищи его по работе опознали. Говорят – он.

– Так они же слепые! – изумилась Кузьминична. – Как же это они могли опознать?

– А они по телефону, – объяснил участковый.

– В общем, хватит резину тянуть! – засуетились Савва и Слава. – Пора, Кузьминична, столы накрывать. Только учти, это тебе не именины какие-нибудь. Поминки – это такой праздник, который бывает у человека только один раз в жизни. Так что тут «Білим міцним» не отделеешься. Водка нужна... Значит, смотри: придет человек двести пятьдесят. То есть весь переулок. Если не считать дряхлых стариков и малых детей, получается, нужно двести бутылок.

– А если считать малых стариков и дряхлых детей? – спросила Кузьминична.

– Получается еще пятьдесят.

– Та на шо ж это я куплю такое богатство? – испугалась старушка.

– А ты Павину комнату в коммуналке продай, – подсказал Савва. – Вон богатые Парасюки давно на нее зарятся.

– Заримся! Мать... перемать... – выступил вперед толстенный Парасюк. – Она аккурат к нашему санузелу примыкает, комната эта. Так мы с женой сильно мечтаем столовую в ней себе оборудовать, чтобы, значит, если приспичит, от еды недалеко отходить. Мы тебе за нее не то что двести пятьдесят – мы триста бутылок дадим! Правда, не водки, а самогону. Так что тебе не то что на поминки – вообще до конца твоих дней хватит...

Бабка быстро прикинула в уме, сколько самогону ей нужно до конца ее дней, и запросила еще четыре бутылки. Ударили по рукам.

И тут же, как по команде, еле держащиеся на ногах жители Мукачевского вытащили из своих домов такие же еле держащиеся на ногах столы и табуретки и накрыли прямо посреди улицы огромный криво стоящий стол. Немыслимых размеров Парасюк поднялся из-за него

со стаканом мутной жидкости в кулаке и, обведя собравшихся еще более мутным взглядом, торжественно прокричал:

– Горько!..

Возникло недоумение.

– Горько!.. – повторил Парасюк.

Савва и Слава растерянно поцеловались.

– Э... Харитон! – одернула тамаду Парасючка. – Кого это ты тут женишь? Покойника, что ли?

– Горько осознавать... – гнул свое Парасюк.

Но мысль о свадьбе уже воспламенила Павину сожительницу Галу по прозвищу Студебеккер.

– И на кого ж ты меня покинул, голубь мой сизорыл... это... сизокрылый! – заголосила она, упавшая необъятной грудью в салат «оливье». – Ой, положите ж меня немедленно до него у гроб!..

– А вот тебе дулю! – разозлились Савва и Слава. – Коза ненасытная! Ты и при жизни, бывало, каждую минуту норовила до него у койку залезть. А теперь и в гроб норовишь!.. Дай уже человеку хоть там полежать без движения!

– Действительно, Гала... – всплакнула пьяненькая Кузьминична. – При мне бы хоть постыдилась! Вот у меня горе так горе. Мне моего любимого племянника никто не вернет. А тебе я таких козлов, как он, хоть сто человек в день предоставлю, только деньги плати. Ты мою таксу знаешь...

Потом Мукачевский переулочек пил, дрался, мирился и снова пил почти до рассвета. А потом появился Пава в белых одеждах.

– Мы что, уже в раю? – спросил у него кто-то из тех, кто еще мог говорить.

– Ну вы так точно в раю, – ответил Пава. – Где же еще может быть такая житуха? И солнце еще не взошло, а вы уже лыка не вяжете. А вот мне, между прочим, в медвытрезвителе никто и стакану портвейна не дал. Еле сбежал из этого страшного заведения. В одной простыне.

И, вырвав у какого-то зазевавшегося подростка початую бутылку самогона, Пава осушил ее в три глотка.

И вот тут, оказывается, все только и началось по-настоящему. Весь следующий день и всю следующую ночь бурлил в Мукачевском переулочке голубоватый самогонный поток. Пили за упокой души Павы первого и за чудесное появление на свет Павы второго. За новоселье Парасюков и в знак солидарности с борющимся народом Африки...

Этой ночью была наконец преодолена та самая пресловутая норма, установленная строгой наукой для человека: литр чистого спирта на одно выпивающее лицо. Причем преодолена многократно.

И начались поразительные явления.

Открыл было рот Парасюк, чтобы в очередной раз вспомнить мать-перемать, но вместо этого полились из его рта волшебные звуки теноровой арии композитора Доницетти из оперы «Лючия ди Ламмермур».

А Савва и Слава вдруг пододвинули к себе замасленный лист бумаги из-под селедки и стали решать на нем теорему Ферма, которая, как известно, вообще не имеет решения. И тоже справились очень быстро. Хотя оба они еще в третьем классе начальной школы по состоянию здоровья были освобождены от математики.

А потом заговорил участковый Гвоздь. Причем на чистейшей латыни. И изложил на ней основы римского права. А старая сводня Кузьминична поддакивала ему: мол, правильно говоришь, Гвоздь, *tantum morale legitimum est*, то есть законно только то, что нравственно...

...А Парасюк все пел, наполняя Мукачевский переулочек своим невероятным тенором. И, вторя ему, грянуло откуда-то с неба бессмертное доницеттиевское *tutti*. И волны сладостных

скрипок подхватили Парасюка, а вместе с ним и других обитателей Мукачевского, и унесли куда-то в светлеющие небеса. А может, и не полностью обитателей, а только их души, в которых рачительная природа хранила за семью печатями талант, ум, любовь и честь ввиду абсолютной ненужности этого всего в нашей обыденной жизни. И что проявляется в нас только в минуты высшей опасности. Например, если мы видим перед собой какого-нибудь агрессора. Или если выпьем литр чистого спирта.

Один среди вещей

Мы живем в окружении вещей и предметов, которые умнее нас. Ну, то, что я глупее своего телевизора, – с этим я уже как-то смирился. Я имею в виду не то, что по нему показывают, тут мы с ним соотносим примерно одинаково. Я о другом. Недавно, например, узнал, что есть в нем какой-то там «телетекст» и другие, как теперь говорят, примочки. А я и понятия не имел...

Ладно. Человек, как известно, использует в жизни четыре процента возможностей своего головного мозга. Мне этого, очевидно, хватает только на то, чтобы использовать четыре процента возможностей своего телевизора.

Ну да бог с ним, с этим телевизором. Все-таки умный прибор. Вот чувствовать себя глупее своей стиральной машины – это уже как-то обидно.

А дело как было? Привезли мы ее с женой из магазина, подключили, как смогли, и начала она себя вести в высшей степени странно. То есть сначала подпрыгнула под самый потолок, потом выскочила из ванной комнаты в коридор и поскакала в сторону входной двери. Я – за ней. Жене говорю:

– Звони в магазин! Пусть они объяснят, куда это она скачет и чего это ей у нас так не нравится!..

Жена позвонила.

– Ну, – кричу, – что они отвечают?

– Да ничего, – говорит. – Отвечают, что в режиме выкручивания у нее может быть легкое подрагивание.

– И это они называют «подрагивание»?! – кричу я, пытаюсь оседлать взбесившийся агрегат. – Пусть приезжают немедленно, пока она на улицу не вырвалась! Там же дети малые, старики, еще зашибет кого-нибудь!..

Приехали они, посмотрели.

– Вы что, – говорят, – граждане?! Надо же было инструкцию прочитать! У этой машины при транспортировке барабан фиксируется четырьмя огромными хромированными болтами. Надо же было их выкрутить, прежде чем включить! Странно, что она вам тут вообще всю квартиру не развалила...

Выкрутили они эти болты, уехали. Мы с женой загрузили в машину белье, включили, и она у нас с этим бельем все режимы прошла: и стирку, и полоскание, и выкручивание...

– Ну как, – спрашиваю жену, – хорошо она стирает?

– Отлично! – говорит жена. – Вот только белье почему-то как было грязное, так и осталось.

– Все, – говорю я, – с меня достаточно. Звони им опять. Пусть приезжают – и забирают эту бракованную вещь!

Она позвонила. Рассказала, как было дело, а они ей:

– Пожалуйста. Мы, конечно, можем эту машину забрать и дать вам взамен какую-нибудь другую. Но только вы, когда надумаете стирать, попробуйте для начала подключить все-таки к машине воду!..

Нет, что ни говори, а с техникой у меня явно не складывается. Причем даже с менее замысловатой, чем стиральная машина или, скажем, утюг.

Однажды кусок обыкновенного крашеного железа величиной с ладонь чуть не довел меня до сумасшедшего дома. Рассказываю, как это было.

Несколько лет назад сбылась наконец мечта советского автолюбителя. Купил я себе из последних сил подержанную иномарку. Приехал домой, поставил ее на стоянку. Обошел

несколько раз, любовно поглаживая аппетитно-округлые формы, автоматически дернул лючок, прикрывающий крышку бензобака, – и обомлел. Лючок не открывался!

«Все, – подумал я, – значит, заклинило».

Сел в автомобиль и поехал к знакомому автослесарю Вова.

– А! – радостно закричал Вова, увидев мою машину. – Это ж другой разговор! Это – нормальная тачка! Писатель, – гордо отрекомендовал он меня своим напарникам. – Можно сказать, второй Лев Толстой. В том смысле, что тот всю свою жизнь босиком проходил, а этот на «Москвиче» проездил.

Напарники уважительно заулыбались.

– Ну что там у тебя? – спросил Вова.

– Лючок не открывается, – сказал я.

Вова потянул за лючок. Лючок открылся.

– Странно... – удивился я. – А у меня почему-то не открывается. Вот посмотри...

Я тоже потянул за лючок. Лючок открылся. Вова с напарниками удивленно пожали плечами.

«И померещится же такое! – думал я, возвращаясь домой и ставя автомобиль на стоянку. – Видимо, перетрудился...»

Я снова обошел свою машину и снова автоматически дернул за лючок. Лючок не открывался. Я потянул изо всех сил. Поддел какой-то железякой. Он держался как приваренный...

– Да что же это за чертовщина?! – испугался я. Сел в автомобиль и снова поехал к Вова.

– Ну что там опять случилось? – уже менее радостно встретил меня автослесарь.

– Не открывается, – сказал я. – Лючок...

– Но он же только что открывался! И я его открывал, и ты!..

– Так в том-то и дело, – объяснял я. – Понимаешь, какая штука: у тебя в мастерской он открывается, а у меня на стоянке – нет!

Вовины напарники опять посмотрели на меня улыбаясь, но улыбки у них почему-то были уже какие-то не такие, как в первый раз.

– Послушай, – сказал Вова, отводя меня в сторону. – Что ты мне голову морочишь со своим дурацким лючком? Может быть, у тебя дело ко мне какое-нибудь есть серьезное? Номера там на двигателе перебить или врезать кому надо как следует... Так ты так и скажи. А то заезжаешь через пень-колоду...

– Да нет у меня к тебе никакого дела! – испугался я. – Вернее, есть, конечно, одно... Лючок вот не открывается...

– Ты вообще понимаешь, что говоришь?! – начал нервничать Вова. – Это же быть такого не может, чтобы он в мастерской открывался, а на стоянке не открывался!

– А ты поедь со мной на стоянку – сам убедишься, – попросил я.

– Да что я, с ума, что ли, сошел?! – отбивался Вова. – У меня тут работы по самое горло! Да ни за какие деньги!..

На этой неосторожной фразе я его и поймал.

Все время, пока мы ехали, Вова тихо ругался, обкуривая меня какими-то вонючими папиросами. Когда приехали, он сразу же выскочил из машины и бросился к лючку.

– Так что, говоришь, на стоянке не открывается?

– Нет, – твердо ответил я.

Вова потянул за лючок. Лючок открылся.

– А ну подойди сюда! – проговорил Вова.

Я подошел.

– Открывай!

Я тоже потянул. Лючок открылся.

– Еще открывай! – приказал Вова. – Еще!..

Я открыл лючок еще несколько раз.

– Ну как тебе это нравится? – спросил я у Вовы. – Ты что-нибудь понимаешь?

– Я понимаю, – ответил Вова. – Я понимаю одно: если этот лючок у тебя опять не будет открываться, так ты в мастерскую сразу не приезжай. Сначала заедь к психиатру! И на работу меня отвозить не надо! Я тебя вообще видеть больше не могу!..

– Конечно, Вова, конечно... – лепетал я, провожая его со стоянки. – Ну зачем же тебе меня видеть, если у меня теперь лючок открывается?..

Я посадил Вову в такси и уже просто так, для очистки совести, опять вернулся к своей машине. Нужно вам говорить, что произошло дальше? Правильно. Лючок не открывался.

Вот тут уже мне стало по-настоящему страшно. Я-то думал, что он не открывается только на стоянке. Или открывается только в мастерской. А оказалось, что он открывается где угодно и когда угодно, но только при Вове!

«Так, – соображал я. – Хорошо. В конце концов, открывать этот лючок нужно только тогда, когда заправляешь машину бензином. И, наверное, если я Вове хорошо заплачу, то, может быть, он согласится раз в несколько дней ездить со мной на заправку...»

Но имелось еще одно обстоятельство, которое убивало меня уже окончательно. Дело в том, что эта новая подержанная машина была куплена мною не просто так. А с совершенно определенной целью. Ну как бы это сказать?.. В общем, была некая молодая особа. Чистейшее существо! Вот уже несколько месяцев она втолковывала своему мужу, что ей предстоит длительная командировка. Я что-то мямлил своей жене о необходимости побыть в творческом одиночестве... Короче, через неделю мы с ней вдвоем уже должны были мчаться в роскошной иномарке в сказочный Крым!..

Но теперь получалось, что третьим в эту романтическую поездку я должен был брать с собой какого-то автослесаря Вову?!

Конечно, это было немыслимо.

Я сел в автомобиль и опять поехал в автомастерскую.

– Все! На сегодня шабаш! – закричал Вова при моем появлении своим напарникам. – Атас, мужики! Расходимся по одному!

– Подождите! – взмолился я. – Кажется, я наконец понял, что нужно делать! Этот лючок нужно просто отвинтить и, может быть, даже выбросить!.. А что же еще остается, если он открывается только тогда, когда рядом есть Вова, а когда Вовы нет – он не открывается?

– Слушай, – подходя очень близко ко мне, заговорил Вова, – ты что, не понимаешь, что ты меня перед товарищами позоришь? Они и так уже все говорят: «Скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты». Ну, в смысле, что мы с тобой, значит, оба ничего не соображаем... А если завтра они об этом раструбят на весь город? Может, твои читатели в данном случае не откроют для себя ничего нового, но я же могу потерять клиентов!

– Ну Вовочка, – чуть ли не плакал я. – Это и вправду какая-то мистика. Хочешь, давай проверим. Если тебя не будет – лючок не откроется...

– И как же мы это проверим? – опешил Вова. – Что значит – если меня не будет? Так это мне теперь что, ради твоего лючка застрелиться, что ли?

– Ну зачем же? – успокоил я Вову. – Просто отойди куда-нибудь за угол, чтобы тебя не было видно...

– Кому? – спросил Вова. – Чтобы меня не было видно кому? Лючку или всему автомобилю?

– Лучше автомобилю, – сказал я, прекрасно отдавая себе отчет в том, как я при этом выгляжу в глазах Вовиных напарников. Те действительно смотрели на меня уже без всяких улыбок, а как-то даже испуганно.

– Слушай, Вовчик, – сказал вдруг один из них, наверное, самый рассудительный. – А может, действительно отойдешь? Проверим. Сейчас в окружающей среде такой бардак проис-

ходит... Вон у меня теща рассказывала: она на прошлой неделе какому-то черному коту дорогу перешла, так он ее, гад, так матом покрыл, что она, говорит, и от меня такого не слышала! Радиация, может быть, или еще хрен чего...

Вова пошел за угол.

– Ну?! – закричал он оттуда. – Меня не видно?

– Нет! – отвечали напарники.

– Тогда скажите ему, пусть открывает!

Я подошел к лючку и дрожащей рукой потянул его на себя.

Лючок открылся.

Я сел на землю у заднего колеса своей машины и заплакал. Никаких разумных объяснений происходящего у меня больше не было.

Спасло меня только то, что на Руси издавна с пониманием относятся ко всяким убогим и даже пытаются им помогать. Вовины напарники расселись вокруг меня, закурили и крепко задумались.

– А вот скажи, – спросил наконец Рассудительный. – Тут вроде бы Вова говорил, что ты раньше на «Москвиче» ездил. Это правда?

– Правда, – ответил я.

– Угу, – продолжал Рассудительный. – А на иномарке, значит, не ездил... А теперь скажи: ты когда ее на стоянку ставил, ты водительскую дверь запирали?

– Запирал, – кивнул я.

– А когда Вову на такси провожал?

– Тоже запирал.

– Так... Ну а здесь, в мастерской?

– Нет, конечно. Я же тут от машины не отходил. Зачем же ее запирать? Но какое это имеет значение?... Водительская дверь впереди, лючок позади...

– Что-что-что?... – заинтересовались напарники – и вдруг начали кататься по земле от страшного хохота. – А такое это имеет значение, – задыхались они, – что это тебе не «Москвич», парикмахер ты необразованный!.. У этой машины центральный замок! Понимаешь? Центральный! Ты когда одну дверь запираешь, он все остальное блокирует. Автоматически! В том числе и лючок! Усек наконец?!

...Ну что вам сказать, господа? Наступило третье тысячелетие. Его юные граждане, эти лобастые школьники, уже сегодня, не выходя из своих квартир, грабят через Интернет неприступные заморские банки. Что мы можем им объяснить в этой жизни? Мы, из всего арсенала могучей современной техники владеющие только канцелярским пером номер четырнадцать или в лучшем случае шариковой ручкой... Только одно: человек все равно мерило всех мерил! Он все равно совершеннее самой совершенной машины!

Почему?

А вот это уже пусть они сами себе объясняют.

Рыжий русский голубой

Ну что это мы все о людях да о людях? Как будто Господь Бог не создал на этой земле ничего более интересного или, скажем, разумного. Поговорим, например, о котках...

Вот поразительная вещь: все, что мы знаем о них, абсолютно не соответствует действительности. Считается, например, что коты не умеют плавать. Ерунда. Коты – замечательные пловцы. Просто они стесняются это показывать, поскольку не хотят, чтобы все видели, что они плавают по-собачьи.

Или взять, скажем, миф о необыкновенной кошачьей похотливости. Так ли он справедлив?

Один мой знакомый молодой кот влюбился в соседскую кошку. Та отвечала ему взаимностью. Часами, бывало, стояли они на балконах своих квартир, неотрывно глядя в глаза друг другу. Юная особа не выдержала первой. Она пошла по карнизу навстречу своему избраннику, но сорвалась и упала с пятого этажа.

Кошка, к счастью, осталась жива. Но кот с тех пор не обращает на нее никакого внимания. И вообще обходит представительниц прекрасного кошачьего пола десятой дорогой. Потому что с первого же раза понял: любовь и смерть – две вещи неразлучные, их разделяет один неосторожный шаг.

И вообще, я знавал десятки котов, чье поведение в непростых жизненных ситуациях могло послужить, как говорится, достойным примером для нашей молодежи. Расскажу только о троих.

Свой путь к вершинам материального благополучия Рома Каплун начал с того, что переселился с женой и детьми в будку для продажи газированной воды, в которой он и работал, а небольшой дом, доставшийся ему от родителей, сдал в аренду какой-то пожилой американке, приехавшей в Одессу по заданию своей заокеанской компании с целью разобраться, действительно ли в этой стране живут законченные придурки, и если да – немедленно открыть где-нибудь в центре города желательную очень дорогой магазин по продаже американского носевого белья.

Нужно сказать, что делать с ней бизнес Роме было непросто.

– Ит из комната, – показывал он ей свой дом. – Ит из кухня. Ит из свежий воздух со всеми удобствами. Я думаю, такой хауз стоит тысячу долларов в месяц?

– О, йес! – согласилась старушка. – Конечно же, стоит! – и протянула Роме пятидесятидолларовую бумажку.

– Ит из есть задаток? – спросил Рома.

– Ит из есть полный расчет, – ответила американка. – Не подходит – верните, плиз!

Рома чуть не заплакал. Ну откуда эта капиталистическая акула могла узнать, что, взяв в руки денежную купюру любого достоинства, он уже никогда и ни при каких обстоятельствах не мог вернуть ее обратно?

– О'кей! – сказал Рома. – Так уж и быть... Но в доме есть еще мебель, посуда... За них тоже нужно платить. Тут уж, согласитесь, меньше чем сто пятьдесят долларов в месяц...

– Оф корс! – опять согласилась американка. – Конечно же, меньше, намного меньше! – и всучила ему десятку.

И тут во дворе появился кот. Рыжий бездомный бродяга, которого Рома до этого никогда и в глаза не видывал. Появление кота произвело на американку неизгладимое впечатление.

– О май гад! – запричитала она. – Вэри найс кэт! Бьютифул кэт! Это есть ваш?!

Рома понял, что теперь наконец настал и его час...

– Конечно же, мой, – сказал он. – А чей же еще? Кстати, о коте нам предстоит поговорить отдельно!

Заслышав эти слова, хитрющая рыжая зверюга посмотрела сначала на американку, потом на Рому и чинно уселась у его ног.

– Редчайший экземпляр! – отрекомендовал Рома кота. – Порода русская голубая!

– Но он же есть рыжий? – изумилась американка.

– Правильно, – подтвердил Рома. – А я вам о чем говорю? Именно рыжий! Редкий случай среди голубых! Вообще-то я думал забрать его с собой. Но, говорят, коты привыкают к дому...

– О да, – закивала пожилая леди. – Итс импасибл! Этого делать нельзя! Этим вы можете нанести коту моральную травму! Оставьте его мне. Я буду его много кормить. Я обожаю котов!..

– Но, с другой стороны, – продолжал Рома, – разлука с котом может стать для меня невыносимой. Как-никак член семьи... Впрочем, если бы вы могли компенсировать – долларов двести пятьдесят – триста...

– Хау мач?! – вытаращила глаза американка. – Сколько вы говорите?

– Четыреста, – отрезал Рома. – И ни копейки меньше. Или я нанесу ему травму...

Американка полезла за кошельком.

Через месяц ренту на кота удалось повысить.

– Очень сильно соскучился, – объявил Рома своей постоялице. – Пришел забирать члена семьи.

– Не делайте этого! – взмолилась американка. – Лук эт зе кэт! Посмотрите: за какие-то три недели этот ваш член поправился на четыре килограмма!

– А я от тоски похудел на восемь! – заявил Рома. – Так что придется раскошелиться!

Еще через месяц, сообразив, что с этим городом каши не сварить, более того – работая здесь, ее американская фирма не только не сможет продать старое белье, но и рискует остаться без своего собственного, американка вызвала к себе Романа.

– Ай гоу ин Америка! – сказала она, поглаживая кота, сидящего у нее на коленях. – У вас в России мне все очень не нравится. Но этого рыжего русского голубого я полюбила всей душой. Продайте его мне. Согласитесь, что в Америке коту будет лучше.

– В Америке всем будет лучше, – резонно заметил Рома. – Не продам.

– А за очень большие деньги?

– Ни за какие!

– Но почему?

– Я же вам объяснял: этот кот – член нашей семьи. А значит, без нашей семьи ни в какую Америку он не поедет!

При этих словах кот грузно спрыгнул с колен американки и демонстративно пересел на Ромины.

И что бы вы думали?! Через какое-то время американка таки прислала Роминой семье вызов и даже оплатила гарант.

Теперь они все живут в Калифорнии, где Рома за довольно большие деньги продает местным жителям русские поношенные ватники, выдавая их за подлинную одежду узников ГУЛАГа. А рассказывая историю своего переезда в Америку, нежно вспоминает кота, говоря, что лучшего партнера по бизнесу у него с тех пор никогда не было.

Следующего нашего героя звали Кузя. Небольшой, серый, ничем не примечательный, он жил за кулисами нашего консерваторского зала и был известен тем, что, в отличие от большинства котов, обитающих в зрелищных учреждениях, никогда во время концертов не выходил на сцену. Хотя первое время мы этого очень боялись. Всем известно, что самый захудалый кот, появляясь на сцене во время концерта или спектакля, моментально притягивает к себе

все внимание самой взыскательной публики. В чем здесь секрет – сказать трудно. Но почему-то вопрос «Куда направляется через всю сцену эта безмозглая тварь?» мучил зрителей во все времена значительно больше, чем, например, вопрос «Быть или не быть?», который в это же время мучил на сцене какого-нибудь там Гамлета.

А может, это преувеличение. Может быть, корова или, скажем, свинья, появившись они неожиданно во время исполнения шекспировского шедевра, тоже легко переиграли бы в глазах публики датского принца. Но считается, что только коты. Уж как они добились такого исключительного зрительского признания – неизвестно. Но факт остается фактом.

Так вот, Кузя никогда своими талантами не пользовался. Сидел себе за кулисами и слушал. «Какой воспитанный котик!» – думали мы. И заблуждались. Просто Кузя ждал своего часа. Ну что за интерес был ему переигрывать нас – жалких школяров! Он мечтал помериться силами с Великим Артистом. И он своего дождался.

В тот день в переполненном зале консерватории давал концерт сам Эмиль Гилельс. И вот в кульминационный момент этого концерта, как только пианист начал раздирать души собравшихся скорбными аккордами знаменитого шопеновского марша, из-за кулис появился Кузя. Он гордо прошествовал под эту торжественную музыку из одного конца сцены в другой, потом вернулся обратно, и... ничего не произошло! Привыкшая за многие годы к своему коту консерваторская братия не обратила на него никакого внимания. На сцене был Гилельс!

Кузя уселся возле рояля и растерянно уставился на публику. Что происходило в этот момент в его кошачьей голове? Может, он думал о том, что не только уходить со сцены, но и выходить на нее нужно вовремя? Или о том, что великая легенда о непобедимости котов на сцене, легенда, составлявшая, может быть, главную гордость многих поколений его кошачьих предков, рушится сейчас из-за него?.. Во всяком случае, он понимал: нужно немедленно что-то делать.

И он таки нашел выход, этот фигляр! Подлез под педаль рояля. Пианист надавил на педаль. Педаль надавила на Кузю. Кузя заорал – естественно, не человеческим, но даже и не кошачьим голосом. Пианист от неожиданности вскрикнул, смешно вскидывая руки и ноги... Публика покатила от хохота...

Очень жаль было сорванного концерта. Но честное слово – был в этом какой-то урок. Во всяком случае, для начинающих артистов или политиков. И состоял он в том, что, если ты уже выполз на сцену, ты должен заставить всех обратить на себя внимание. Даже ценой собственного здоровья. А кот ты там уже или не кот – в данном случае значения не имеет...

Третьего героя нашего рассказа звали Васей. Уж его-то точно знала вся Одесса. В страшную зиму девяносто третьего года, когда по обледенелому и полуживому городу бродили стаи бездомных собак и одинокие фигуры полуголодных, каких-то с виду плохо побритых мужчин и таких же женщин, этот кот показал нам всем, как решить проблему, которая тогда волновала многих, а именно – как покинуть эту родную землю, на которой, казалось, жить уже невозможно, в то же время по возможности не покидая ее. Он стал жить на дереве.

Говорят, что он даже родился на крыше ларька, стоявшего когда-то под этой акацией на Греческой площади. А возмужав, тут же залез на акацию. То есть его мохнатая нога вообще никогда не ступала на грешную землю. Короче, он был поэт.

Василий не спускался с дерева ни днем, ни ночью. Окрестные жители при помощи нехитрого приспособления подавали ему туда воду в консервной банке, а пищу он добывал себе сам, грациозным движением когтистой лапы ловя на лету куски хлеба и колбасы, которые ему бросали снизу.

И он пережил эту зиму! А потом прилетели первые птицы, и все мы слышали, как он разговаривает с ними на их птичьем языке! И они понимали его!

И началась какая-никакая весна. Зазеленела акация, и на Греческую площадь, как после зимней спячки, вышли из своих дворов действительно самые красивые в мире одесские девушки. И глядя на них, уже всем стало ясно, что жизнь все-таки продолжается! И что этот город таки да будет жить вечно, потому что никогда не перестанут рождаться в нем подлинные поэты и подлинные коты.

Жора с Большой Арнаутской

Когда, как сказал поэт, вашу хладную душу терзает печаль или вы вдруг действительно поверили, что Одесса уже не та и она перестала вырабатывать юмор как противоядие от окружающего ее безумия, что спасало наш город во все времена, – купите билет на трамвай и поезжайте на Привоз. Там в рыбных рядах за прилавком, заваленным тушами толстолобиков, огромными блинами камбал, золоченой скумбрией и серебристыми карпами, священнодействует Жора. Продавец и рубщик рыбы. Худощавый пожилой человек с лицом библейского мудреца. Знаменитый на весь Привоз Жора, чей острый язык может сравниться только с острейшим разделочным ножом в его умелых руках, который сам Жора романтически называет «рыбным мачете».

– Люди, – проповедует Жора собравшимся вокруг покупателям, – если вы зададите вопрос, у кого здесь можно купить свежую рыбу, то я отвечу вам правду, какой бы горькой она ни была: у меня и только у меня. Конечно, вам тут многие скажут, что их тухлая камбала свежа, как поцелуй невинной девушки. И вы можете им поверить! – Жора указывает на стоящих за соседними прилавками рыбных торговков, одетых как огородные пугала. – Сильны чары этих сладкоголосых сирен! Но только я вам продам такую рыбу, которую действительно можно есть и кушать, а не лечь и умереть. Свежайшую рыбу, потому что ее не только сегодня поймали, но еще и быстро вытащили.

– Мне какую-нибудь крупную и недорогую, – просит Жору очередной покупатель.

– С превеликим удовольствием, Изя! – отвечает Жора. (Почему-то всех своих покупателей он называет Изями.) – Предлагаю коропа. Свежайший. Ах, тебя это не интересует!.. Ну, тогда барабулька. Вкуснейшая! Или глоська, без единой косточки. Ах, тебе и это по барабану... Угу... Значит, тебя устраивает костлявая, невкусная и несвежая, главное – чтобы была большая и недорогая? Да? Так что же ты мне сразу не сказал, что тебе на подарок?

Толпа покатывается от хохота.

– А тебе кого порубать, Сарочка? – спрашивает он у покупательницы с явно рязанским лицом. (Всех своих покупательниц он, как вы поняли, называет Сарами.)

– Мне бы бычков парочку на уху, – вздыхает та. – Мужу в больницу... Такой малопрятный диагноз...

– Ой, перестань! – отмахивается Жора. – Скажи своему Изе, пусть не берет в голову! Разве эти врачи что-нибудь соображают?! Даже самый умный из них, академик Филатов, и тот почему-то работал сразу в двух направлениях: улучшал людям зрение и изобретал эликсир для продления жизни. Слышишь?! Как будто бы не понятно, что в нашей стране чем человек меньше видит, тем он дольше живет...

– А ты что стоишь, Сарочка? – обращается он уже к другой покупательнице. – Тебе почистить твоего судака?

– Но это же, наверно, дорого...

– А что, твой Изя приносит тебе мало денег? Так я тебя сейчас научу, как увеличить их количество. Берешь большую эмалированную кастрюлю или ведро, кладешь туда деньги, которые у тебя есть. Запомнила? Так. А потом бросаешь туда дрожжи... Давай я почищу за полцены.

– Нет, – говорит покупательница, – я уж как-нибудь сама... Если вы не возражаете...

– Да я-то не возражаю, – говорит Жора. – Сама так сама. А вот рыба этого не любит. Она любит, чтобы шкуру с нее снимал профессионал. А готовить хоть ты умеешь, Сарочка? Или тоже как-нибудь?

Женщина смущенно молчит.

– И как вам это нравится?! – возмущается Жора. – Ни шкуру снять она не умеет, ни приготовить. Зачем же так издеваться над бедной рыбой? Ну скажи, женщина, тебе бы понравилось, если бы с тебя снимал платье какой-нибудь недотепа, который не только не умеет его снимать, но, кроме того, еще и не знает, что делать с тобой дальше?.. Хорошо. Я почищу тебе бесплатно. И еще подарю рецепт, приготовь по нему своему Изе фаршированную рыбу. Надеюсь, ему понравится. Во всяком случае, выплюнуть ее он всегда успеет.

– Боже! Какая роскошная Сара! – застывает Жора перед очередной покупательницей. – А с каким вкусом одетая: зеленые рейтузы, красная кофта, желтый берет – просто какой-то павлин, честное слово!

– Не забывайте, Жора, что вы женатый человек! – окликает его торговка с соседнего лотка.

– Но я же только смотрю, – отвечает ей Жора. – Конечно, я помню, что я женат. Но можно подумать, если человек на диете, так что, он уже не может посмотреть в меню?.. В жизни не видел такой красоты, – продолжает он любоваться клиенткой, разделявая ей огромную рыбину. – Хотя, как говорится, *omnia praeclara rara et fronti nulla fides*¹.

– Вы знаете латынь? – удивляется кто-то из очереди.

– А как же? – обижается Жора. – Я же учился в Ватиканском университете вместе с папой римским.

– Как разделять камбалу? – ехидничает очередь.

– Нет, – строго отвечает Жора. – В Ватиканском университете я изучал латынь. А как разделять камбалу – это я там преподавал. У меня, между прочим, и здесь есть ученики, – указывает он на трех молодцов, работающих рядом. – Правда, они способны только на то, чтобы отрезать рыбы хвосты и головы. Раньше учеников было больше. Но кто ушел в украинский бизнес, кто в украинскую политику... Остались самые толковые.

– Дядя Жора, – спрашивает один из учеников, – а какая все-таки разница между глосью и камбалой? И одна плоская, и другая...

– Ну как же, – разъясняет Жора, – камбала – это большая рыба, килограммов на пять, а глось – маленькая, граммов на двести.

– А может глось вырасти до размеров камбалы? – интересуется ученик.

– Ну, если правильно настроить весы... – отвечает учитель.

Одесское солнце, устав от собственного жара, падает за корпус «Фруктового пассажа». Очередь постепенно тает. И я подхожу к Жоре, чтобы поговорить «за жизнь».

– Меня здесь считают самым умным человеком на весь Привоз! – хитро щура свои иудейские глаза, говорит Жора и смахивает с прилавка рыбную чешую. – А знаешь, как это получилось? Ну, самыми умными на Привозе вообще всегда считались евреи. И вот несколько лет назад все они стали подходить ко мне и спрашивать: ехать им в Израиль или нет? И всем я говорил – да! Обязательно. Они и решили: раз такой неглупый еврей, как Жора, говорит нам, что надо ехать, – значит, надо ехать. И уехали. А я остался. Ну откуда же им было знать, что я албанец? Теперь я здесь самый умный.

– А сейчас к вам приходят за советами? – спрашиваю я.

– Бывает, – кивает Жора. – Вот вчера приходил один из мясных рядов. «Что мне делать, Жора? Я обидел мать, места себе не нахожу...» – «Во-первых, – говорю, – пойди и немедленно извинись. Нет такой обиды, которую бы мать не простила своему сыну. А во-вторых, перестань себя так уж сильно терзать. Смотри, Бог создавал человека целый рабочий день. Наверно, это и есть время, необходимое для создания человека. А тебя родители создавали максимум минут десять. Естественно, что ты получился немножечко недоделанным...»

– А секреты профессии перенимать ходят? – интересуюсь я.

¹ Все прекрасное редко и наружность обманчива.

– Стоял тут один целый день, – отвечает Жора, – смотрел, как я работаю. «Восхищаюсь, – говорит, – вашими умелыми руками. Как у вас все так ловко выходит: четыре удара – и хребет пополам. Еще четыре удара – и второй хребет пополам. У меня так не получается». «А кто вы такой?» – спрашиваю. «Массажист»... – Жора хитро подмигивает.

– А латынь вы что, действительно изучали? – пристаю я.

– Конечно, – кивает Жора, снимая свой брезентовый фартук. – Правда, не в Ватиканском университете, а, как все интеллигентные люди, в советской тюрьме. Но какое это имеет значение? Просто с моими данными в тюрьму было попасть значительно легче. Ну что ты на меня так смотришь? В пятидесятом году они меня взяли. Месяц держат, второй, а потом приходят и спрашивают: «Ну что, придумал наконец, за что ты у нас сидишь?» – «А что тут придумывать, – отвечаю, – за то, что у вас батя мой сидит уже восемь лет как албанский шпион». – «Так-то оно так, – говорят, – только это нам не подходит. Товарищ Сталин сказал, что сын за отца не отвечает». – «Ну это, – говорю, – он, наверное, про своего сына сказал». Тут они как обрадовались! «Так это же, – говорят, – совершенно другое дело». И вкатили мне сколько могли за оскорбление товарища Сталина... В общем, что теперь вспоминать! Сейчас все мои прокуроры и следователи уже давно пенсионеры, приходят ко мне за рыбой, и я им продаю, только толстолобика не рекомендую. Зачем? Если у людей и без того такие непробиваемые лбы, то куда им еще и толстолобик?

Быстро темнеет, мы с Жорой выходим с Привоза на Большую Арнаутскую улицу.

– Да, – говорю я ему, – жаль, что у вас все так нехорошо получилось. Вам бы в молодости учиться, а потом выступать на эстраде.

– Так я на Привозе выступаю уже сорок лет, – философски отвечает Жора. – Можно подумать, сильно большая разница. Особенно сейчас, когда все наши великие юмористы разъехались кто куда, и теперь, чтобы попасть на их концерт, нужно платить бешеные деньги, – так люди приходят ко мне и всего за несколько гривен имеют и свежую рыбу, и почти что свежую шутку. Ты мне другое скажи, – вдруг останавливается он, – придут когда-нибудь времена, чтобы мы жили по-человечески?

Я пожимаю плечами.

– А я вот верю. – И Жорины глаза опять загораются дурашливо-пророческим блеском. – У нас же такие люди! Вон в газете написано: «Девять месяцев донецкие шахтеры не получают зарплаты. И только теперь, на десятый месяц, они начали голодовку». А до этого что они ели, спрашивается? Да с такими людьми!.. Я тебе так скажу: чтобы в нашей стране настала хорошая жизнь, нужны две вещи – чтобы народ наконец начал работать, а правительство наконец перестало!

И, попрощавшись со мной, он уходит к своей семье.

На Большую Арнаутскую улицу опускается неопишуемая майская ночь. Падают звезды. И глядя на них, я оптимистически думаю, что, сколько бы их ни упало или ни закатилось куда-нибудь за горизонт, на нашем одесском небе их всегда останется более чем достаточно.

Михаил Векслер

Полиглот

Я владею пятью языками,
Но держу языки за зубами.

* * *

Чтобы летом было им не жарко
И зимою чтобы – нормалек,
Мне для денег ничего не жалко —
Вот, купил им новый кошелек.

* * *

Мы все равны перед законом,
Который был открыт Ньютоном.

* * *

Эх, стежки-дорожки,
Прыжки, перебежки —
На группу поддержки
Три группы подножки.

Скупой рыцарь

Для Сеньки деньги – что ты! —
Предмет особой страсти:
Он каждую банкноту
Закатывает в пластик.

Подставь другую...

О смиренных короткий мой стих:
По щекам их узнаете их.

Национальная идея —

Несть эллина, несть иудея.
Возможно, эллина и несть,
А иудей — и там, и здесь.

* * *

Я уважением к врагу
Проникся в дружеском кругу.

Красна девица

Студентка. Родом из села.
Звонкоголоса. Весела.
Русоволоса. Белозуба.
На коромысле кейс и туба.

Мисс «Бюст»

У этой «Мисс»
Такая грудь,
Что к сердцу мисс
Не близок путь.

* * *

Не сотвори себе кумира.

(Из афоризмов Ким Чен Ира)

Часы

Часы я на ногу надел
Не потому, что псих,
А чтобы не смотрели те,
Кто не платил за них.

* * *

Не отвернусь от нищего – как другу
Всегда пожму протянутую руку.

Без рифмы

Мы с Тamarой ходим парой,
Мы с Тamarой – понятия.

А из нашего окна

С видом на море
Оно —
В нашей камере
Окно.

Наблюдение

Чем веселее продавец,
Тем тяжелее недовес.

Славянофильский вопрос

Войдет ли в горящую избу
Рахиль Исааковна Гинзбург?

Тост

Когда б ни состоялся вынос —
За то, чтоб мы вас, а не вы нас!

Загадка

На углу стоит девица —
И товар, и продавщица.

Историйка

Старый-старый генерал
Молодого разыграл:
Тихо ядерную кнопку
Подложил ему под попку.
Тут историйке конец,
Кто остался – молодец.

Дезинфекция в посольстве

Ночью кто-то средством «Зорро»
Окропил ползданьца...
Тараканы сгинут скоро,
А «жучки» останутся.

Портрет

Красна девица, ой красна:
Глаз – отказ и глаз – согласна.

* * *

В крови не обнаружив допинг,
Герою засчитали подвиг.

О глобальном потеплении

Видимо, евреи
Целый мир нагрели.

* * *

Я, признаюсь, с трудом
Занимаюсь трудом.
Но с большой любовью
Занимаюсь любовью.

Из цикла «Времена года»

Осень. Дождик по темени.
Мне бы зонтик. От времени.

* * *

Пошла горячая вода!
Зашла на цыпочках и с тыла
Мне очи дланями прикрыла...
«Уж не Горячая ли?» – «Да...»
А через день она остыла,
Потом исчезла навсегда.

* * *

Свой путь земной, мозоли натирая,
Я прохожу, голодный и нагой,
Так безгреховно, что ворота рая —
Привет, ребята! – отворю ногой.

После вчерашнего

Печаль моя светла с утра,
Как пива светлые сорта.

* * *

Не т —
уши
свет
души!

* * *

В моем дому пауко —
образное живет.
Снимает верхний угол
За то, что мух жуёт.

Двоится

У меня есть шесть кумиров —
Пушкин, Тютчев и Немирофф.

Утро

Утро. Помните, у Гейне:

«Утро. Истина в портвейне...»

Или помните, у Гете:

«Утро. Что же вы не пьете?..»

Пьянство молодеет

Мальчик – носик аленький —
Маму огорошил.
Он хотя и маленький,
А уже хороший.

Найдена картина

Вот измена так измена,
Не сгущаю краски я:
И на Рубенса коленях
Сживала Саския.

Из японской поэзии

Мне редактор хокку
Сократил на строку.

Абстракционизм

«Адам и Ева»
(*Мужчина слева*).

Трактовка

«Донна дома?» – в коридор
Не с букетом – с твоей
Входит как-то Командор
Собственной статуей.
Убивает Дон-Гуана
Каменной рукой...
Просто ждать умела Анна,
Как никто другой.

Статист

Не полагаются ли мне
Правительственны льготы
За съемку в фильме о войне
В мои молодые годы?

Нетрадиционная поэзия

Поэт-целитель – он глаголом
Сжигает жир на теле голом.

* * *

Нагая купальщица кролем
Плывет то вперед, то назад:
Прикроем, читатель, прикроем —
То влево, то вправо – глаза...

Сюрреализм

Искусство для
искусства, бля.

Агрессивная лирика

Тот хам, наверное, и гад,
Кто снегу первому не рад.

Искусствоведение

Если Джотто —
Это что-то,
Кватроченто —
Что-то с чем-то.

* * *

Увидали Каренину – «Анна, вы?!» —
Как-то утром в раю Черепановы.

Объявление

В июльском номере «Авизо»:
«Куплю рояль под телевизор».

Литературоведение

Суровый Дант —
Большой талант,
А не может
Писать как Гет.

Маленькие трагедии

«Ту би ор нот ту би...» —
Спешил куда-то трагик, —
И Клавдия убил,
Опережая график.

Мой девиз

С утра
Жечь сердца!

«Фанера»

Дуэт не заметил потери певца —
И «Яблочко»-песню допел до конца.

* * *

Пошел поэт
Встречать рассвет.
Но, как назло,
Не рассвело.

* * *

Кто штиблет не носит —
Под Толстого косит!

Хичкоку

Большое спасибо
За волосы дыбом.

Из цикла «В мастерской поэта»

В полночь я восстал со стула,
Вынул вилку из розетки.
Ты к восстанию примкнула —
И, восставши с табуретки,
Возлегла. И я возлег.
Вот такой высокий слог.

* * *

Бороду даю на отсечение,
Что бессмертно Марксово учение.

Из цикла «Мы с Тamarой»

Мы с Тamarой, мы с Тamarой
У отеля ходим парой,
Потому что не по-русски
Продаваться без нагрузки.

* * *

Жил, если помните, Паша.
Был он Морозовым. Наша
Контрацептивная фабрика
Имени этого Павлика.

В городе N

В городе (название)
Соцсоревнование
Бандформирования
С бандформированием.

К празднику

На заводе надувных изделий
Людам деньги выдали шарами,
И они над нашими дворами
На зарплате к звездам полетели.

Из Гюго

«Гражданин, вот вы смеетесь, —
Видно, с прошлым расстаетесь?»
«Да пошел ты, старый хрен!..» —
Отвечает Гуинплен.

* * *

Какой конфуз, когда цвет нации
Меняет цвет ориентации.

* * *

Вот высокий кабинет,
В нем сидит авторитет.
На двери – табличка,
На табличке – кличка.

Двустигшие

Нет, не пуля – дура,
А стрела Амура.

Какой-то

Мужик по селениям бродит.
Наверное, он трансвестит:
В горящие избы заходит,
Коней на скаку тормозит.

* * *

Мы сидим в столовой,
Суп едим перловый,
Слышим наших ложек
Грустный диаложек.

Осторожно: яд!

Ни зашипевшее Аи,
Ни вермут, ни другие вина
Не пей, не пей, Гертруда², и
Не ешь мороженое, Нина³.

² См.: W. Shakespeare Hamlet.

³ См.: М. Лермонтов «Маскарад»

Объявление

Господа состоятельные ветераны!
Молодая блондинка подует на раны.

Занимательная геометрия (В альбом)

С какой бы страстью целовал
Я Вашего лица овал!
А будь у Вас лица квадрат,
Я целовал бы Вас как брат.

* * *

«Разденься, – сказал я Глафире. —
Любовь – не картошка в мундире».

Индийский цветок

Восьмое марта. Ни копыя.
Сажусь на коврик в лотос-позу.
Я не дарю тебе мимозу,
Но этот лотос – для тебя.

Гумберту Гумберту

Двадцать пять —
Баба ягодка опять.

Идиллическое

Нам хорошо с тобой вдвоем —
Вон улыбаемся на фото.
Но и в отсутствии твоём
Есть тоже праздничное что-то.

Объявление

Одинокая, нежная, скромная,
Тридцать с хвостиком, высшее, стройная,
Шестьдесят килограмм, синеокая
Даст уроки поволжского оканья.

Летнее кафе

Я со стула
Поднялась
После двух мороженных,
Отряхнула
Двадцать глаз,
На меня положенных.

За непредсказуемость

Любил одну даму
Мишель Нострадамус.

Политика

Что лучше – Рада или Дума?
Чума на оба ваших чума.

Молдаванка

Над парикмахерской солнце
Висит.
Одеколонцем
От солнца разит.

Южная Пальмира

Я люблю этот солнечный город...
(Дальше – семьдесят пять оговорок.)

Золотые россыпи

Премьер-министра век недолог.

(Уинстон Блэк, украинолог)

* * *

Воспитанник одесского вокала,
Я пел о Мясоедовской в Ла Скала.

* * *

В Италии все двери
Со скрипом от Гварнери.

Мечты

Отсель куда-то в город-сад бы,
В котором все бы под оркестр —
И дни рождения, и свадьбы,
И труд, и обыск, и арест...

Из песни об одесских деревьях

Я спросил у тополя: «Где моя любимая?»
Тополь не ответил мне, но спросил: «А что?»

Салли

Бьют часы. В глубоком кресле,
В том, что под часами,
Утонула Салли Пресли.
Ох уж эта Салли!
Ни «спасите», ни «тону»,
Ни записки близким.
Села в кресло – и ко дну.
Тихо. По-английски.

Закон подлости

Как случится гуманоид,
Так откажет «полароид»!

Светофор

Красный.
Желтый.
Да пошел ты!

Хокку

Режу лук.
Чтобы слезы текли не зря,
Думаю о грустном.

Загар

Солнце на пляже
Печет, а не греет.
Кто ни приляжет —
Мгновенно негреет.

Мся!

Англичанин Кристофер
Англичанке Дженифер
Вечером на пристани
Сделал предложение:
«Дорогая Дженни!
Может быть, пожени...
Может быть, пожени...»
Так, произнося
Это предложение,
Волновался Кристофер.
Улыбнулась Дженифер
И сказала: «Мся!»

* * *

Я шел вдоль берега. Скучал.
К моллюску в домик постучал.
«Добро пожаловать!» – услышал.
Но не вошел. И он не вышел.

Вокруг света

Жители Оскоминки
И, конечно, Клюквинки
Шьют и носят смокинги,
Фракинги и брюкинги.
Обожают пудинги,
Кашинги, оладинги,
Разные салатинги
И другие блюдинги.
Во какие людинги!

* * *

Никого,
Кто с того возвратился бы света.
Отчего?
Возвращаться – плохая примета.

Новогодний совет

Если зубы не на полку
Мы положим, а на елку
Их повесим вместо разных
Трюфелей и кренделей, —
Веселее будет праздник,
Будет праздник веселей.

Две таблетки

Пижаму положив на стул,
Я лег и сладко потянулся.
Приняв снотворное, заснул,
И тормозящее – проснулся.

* * *

«Да-а, – вздохнула тетя Настя, —
Человек рожден для счастья».
«Словно птица для полета», —
Согласился дядя Тихон.
«Через Днепр», – добавил тихо
Из присутствующих кто-то.

Символическая плата

Я работаю, как вол,
За фаллический симвОл.

Оптимистическое

Товарищ, верь! Придет пора
Достатка и правопорядка,
Но до нее – на наших пятках
Напишут наши номера.

Цветочный магазин

Для тех, кто небогат, —
Букеты напрокат.

Спорт и труд рядом идут

Хорошо бы к лету
Одержатъ победу
На чемпионате
Мира по зарплате.

Про новые русские игры

Пьедестал
Почета?
А места
Почем там?

Представление

Я из депутатской группы
«Политические трупы».

* * *

Немного о науке: ЮКОС —
Его пример другим наука-с.

Стихи о лете

На пляже Аркадия вечером
Хотел написать завещание,
Да не углядел за вещами я...
Теперь завещать больше нечего.

* * *

Мы не настолько сегодня богаты,
Чтоб получать небольшие зарплаты.

Звоните сейчас

Английский за ночь. Аудит
(По фотографии). Консалтинг.
Увеличение груди.
Реализация пенальти.

Из цикла «Времена года»

Нынче праздник цветов
И у нас, и в глубинке.
У нарядных ментов
Надувные дубинки.

Из милицейского протокола

Нападавшие сбежали —
Пострадавших задержали.

Зимние грезы

Снегом стать хорошо бы
В середине пути,
Одновременно чтобы
И лежать, и идти.

Пока горит свеча

Пяты сутки, пяты сутки
Я не просыхаю, как.
Это, братцы, вам не шутки,
Это, братцы, Ханука.

* * *

Пусть в меня гранату бросит
Кто от армии не косит.

Новости культуры

Вчера на кладбище скелет
Исполнил песни прошлых лет.

* * *

По телевизору упорно
Нам всем показывают порно,
И я считаю, что нельзя
На это закрывать глаза.

Маленькие хитрости

Дверь открывается ключом
Гораздо легче, чем плечом.

* * *

Свойство счастья —
Истощаться.

**Из цикла
«Рассказы о профессиях»**

На глазах у Вовки кепка,
На носу его – прищепка.
Этот Вовчик, видимо,
Переводчик видео.

Белый танец

Старинный вальс
«Последний шанс».

Кошмарный сон

Зря
Спится —
Явь
Снится.

Сова и жаворонок

Не кричи
«Молоко!»
С утра,
Поставщик
Моего
Двора!

Акция

«Рок не против
Паваротти».

Литературная частушка

Полюбила я поэта,
Как Дубровского Джульетта,
Как Татьяна Ларина
Инженера Гарина.

Из японской поэзии

* * *

Укушу и Укокошу
Схватили друг друга за волосы.
В споре рождается лысина.

* * *

Осенний вечер.
На автопилоте иду домой.
Без дозаправки.

* * *

Как интересно:
Ущипнул себя – больно.
Тебя – ничего не почувствовал.

* * *

Полная луна...
Цветок, на котором гадали —
Любит – не любит.

* * *

Все реже и реже
Молчат в телефонную трубку.
Старею, наверное.

В мастерской поэта

Узрел паука
В углу потолка.
Теперь потолок —
Живой уголок.

Судьба

Один ученый муж
Наказан без вины —
Под колпаком спецслужб,
Под каблуком жены...

Лимерики

Ловелас из Ханоя в Ханое
Китайянку катал на каноэ —
Подарил ей цветы,
Перешел с ней на «ты»,
А потом и на все остальное.

* * *

Один кулинар из Тюмени —
Волшебник в седьмом поколенье.
Он лепит пельмени
Из собственной тени,
Притом без унынья и лени.

* * *

К врагам
Великодушен,
Я сам
Съедаю ужин.

Россиянам

Коль пришествия Мессии
И дождетесь вы поры,
То Единой Он России
Проиграет выборы.

* * *

Мне звонят со всех сторон —
Знают все, похоже,
Мой рабочий телефон
И крестьянский тоже.

Пересмешники

В заморских странах обитают
Такого рода попугаи,
Что, сидя на ветвях, болтают.
По-человечески – ногами.

Повезло

Я – безработный.
Выходной —
Тот праздник,
Что всегда со мной.

Знакомство на улице

Можно вас
На две минутки?
А на час?
На два? На сутки?

Измена

Не кидайся табуретом,
Не размахивай ножом, —
Я пришла к тебе с приветом,
Но ошиблась этажом.

* * *

Уважаю песни
И стихи, в натуре.
Падлой буду, если
Изменю культуре.

Старые песни о новом

«...Спущусь в переходы гитару щипать,
А может, вернусь в кочегарку.
Товарищ, не в силах я бабки считать», —
Сказал олигарх олигарху.

Старые песни о главном

Соседка по имени Дуся
Живет у меня за стеной.
Я с именем Дуся ложусь,
А хочется с ею самой.

С миру по нитке
(Лимерик)

Под буденовкой от Ямамото
Новый русский гулял по Киото,
Галифе и онучи
От Готье и от Гуччи,
И тельняшка еще от кого-то.

М

Я художнику Шагалу
Тезка по инициалу.

Веселая история

Везли как-то кони
По улице гроб,
В котором покойник
Смеялся в захлеб.

Хот-дог

Люблю бутерброды
И этой породы.

* * *

Веселое четверостишие —
О том, что становится мой
Все выше, и выше, и выше,
И выше порог болевой.

Основной инстинкт

У меня есть цель —
устремленность в теле.

Городок наш – ничего

В Петропашуткине
Дороги жуткие.
Зато прохожие
С утра хорошие.

Земной шар

Боже, куда мы,
Боже, куда
Катимся, дамы
И господа?!

Октябрь

Благие новости народу
Несла ведущая, пока
Под ней бегущая строка
Сулила теплую погоду.
Промчались радужные титры.
Где ж вы, «плюс двадцать – двадцать
два»?
Ужель и цифры, цифры, цифры —
Слова, слова, слова, слова...

* * *

Если комплексов полный комплект
В сорок восемь мальчишеских лет,
То за тридцать годков до конца
Поздно раскомплексовываться.

Лимерик

Один гражданин в Шепетовке
По улицам ходит в толстовке.
Зато по квартире
Гуляет в мундире
И танк волочит на веревке.

Палиндромы

Межгород

Анна! Вас саванна.

Татуировка на спине

Кич по копчик.

Собака-водолаз

Аквашавка.

Прогноз

В двадцать первом веке люди перестанут лгать, лицемерить, красть, убивать. За них это будут делать машины.

И здесь прогресс

Прошло то время, когда из двух зол мы выбирали меньшее. Сейчас выбор зол стал гораздо шире.

Из услышанного

- Как ваша фамилия?
- Спасибо, не жалуюсь.

На вкус и цвет...

Мужчина оранжевой секс-ориентации познакомится с укладчицей асфальта.

Наблюдение

Замечено, что в минуту опасности любовник-интеллигент чаще всего пытается спрятаться в книжном шкафу.

Народная примета

Если подброшенное обручальное кольцо упадет решкой кверху, то брак будет счастливым.

Не все знают, что...

...двенадцать подвигов совершил Геракл, а вот награды пристегнуть было некуда.
...Ньютон встречал Новый год не под елкой, а под яблоней.
...Джорджа Вашингтона в детстве дразнили Баксом.
...Лжедмитрием называли человека, выдававшего себя за Менделеева.

Из учебника математики для школ с патриотическим уклоном

У Леша было одно яблоко, а у Левы – четыре. Определите национальность каждого из мальчиков.

Для вас, застенчивые

Некоторые люди испытывают непреодолимые трудности при переходе с «вы» на «ты». Да, такое испытанное средство, как брудершафт, многих выручало в подобных случаях. А что делать тем, кто не пьет? Предлагаем другой способ. Мы считаем, что перейти с «вы» на «ты» будет легче, если делать это постепенно. Скажем, вот так. Вы подходите к девушке или, допустим, к своему начальнику и говорите: «**ВЫ**, гы, ды, жы, зы, кы, лы, мы, ны, пы, ры, сы, **ТЫ**...»

Из записной книжки

Национальность: русский со словарем.
Хотел вклеить негодяю пощечину, но ограничился рукопожатием.
Неточность – вежливость снайперов.
Остановись, эволюция, – человек прекрасен.

Пословицы

Аппетит все чувства победит.
На каждый хот-дог не накинешь роток.
Дорога к обеду ложка, а к инфаркту – неотложка.
Пойду дворами – вернусь с дровами.
Водка дешевая – тыква тяжелая.
Арест – к перемене мест.

Салон «Снегурочка»

Новая коллекция свадебных платьев.
Постоянным покупательницам – скидка.

Секс по телефону для мазохистов

Прежде всего – вы не сможете дозвониться.
Счет, который вы получите за несостоявшийся разговор, вас приятно удивит.

Извинение снайпера

Простите, я, кажется, не туда попал...

Объявление

Снимаю порчу по фотографии и судимость по фотороботу.

Аннотация

«Быть или не быть?» – спрашивает сын коварно умерщвленного отца у найденного на кладбище черепа.

Что ответил череп, вы узнаете, приобретя книгу У. Шекспира «Гамлет».

Маленькие хитрости

Если вы запятнали свою честь, не огорчайтесь. Позор легко смывается кровью.

Хороший тон

Китайскую лапшу едят палочками, а макароны по-флотски – веслами.

Из дневника

Желающих исполнить за тебя твой почетный долг – служить в армии – днем с огнем не сыщешь. А вот супружеский – охотников хоть отбавляй...

* * *

Телевизионная передача за одесский язык: «Спокойной ночи, падежи».

Дума про опера Саню

Саня – милиционер,
Он сидит в засаде.
Но совсем не револьвер
В кобуре у Сани...

Вор по прозвищу «Засов»,
Кела Букин он же,
До темнацати часов
Появиться должен.

...Никого. Но вот и пре —
ступник у «Каштана».
А у Сани в кобуре...
Томик Мандельштама.

Черный ворон «кар, кар, кар!»
С неба произносит.
У преступника – «макаров»,
А у Сани – Осип...

«Гуманист, угомонись», —
Говорили Сане.
Говорили: «Не садись
Не в свои ты сани.

С Хижака бери пример —
С нашего Сталлоне:
Вот где милиционер —
Чистый Аль Капоне».

Саня спорить не хотел,
Но при всем при этом
На преступников ходил
С Тютчевым и Фетом...

Черный ворон «кар, кар, кар!»
С неба произносит.
У преступника – «макаров»,
А у Сани – Осип...

– Скройся, милиционер,
А не то угроблю!
– Море, Букин, и Гомер
Двигутся любовью.
– Сэм Нуема, е-мое, —

Удивился Букин
И сказал: – Прости, Санек, —
Поднимая руки.
И заплакал Николай
Константиныч Букин:
– Ах, какой я негодяй,
Ах, какой я сукин...
И пошли по мостовой
Рядом опер с вором,
«Черный ворон, я не твой» —
Распевая хором.

Что наша жизнь? Игра!

Каждый год
В сей круговерти —
Это гол
В ворота смерти.

О вкусах не спорят

Н. Н. возбуждают путаны,
Которые носят сутаны.

Пора жениться

Я мою спину сам
На тройку с минусом.
И плохо сплю сам —
На тройку с плюсом.

Серпентарий

Какой-то гад
Какой-то гадине
Подсыпал яд
В противоядие.

Баба Аня

На бабуле
Модная
Лента пуле —
Метная.

Эротические фантазии

Как сладостно я
С замиранием сердца
Представил себя
Не охочим до секса...

Боец невидимого фронта

До старости Штирлиц скрывал
от жены
Пятнадцать-семнадцать мгновений
весны.

В альбом

Если «да»,
То когда?

Роман

Он двадцать лет спустя написан
Пером из шляпы Арамиса.

* * *

Во мне ничего
От поэта —
А тоже молвой
Оклеветан!

Частушка

Под ольхой стоит кровать
С алым одеялом.
Буду телом торговать,
А не чем попало.

Хокку

«А ты – рожден летать?» —
спросила меня возлюбленная.
Уполз от ответа.

Объявление

Жизнь после жизни. Звоните сейчас.

* * *

А за окном то дождь, то снег
Идут, переходя на бег...

Примета

Кто прошлое помянет,
Тот летописцем станет.

Подмосковные вечера

- Ты на «вы» опять?
- Вы на «ты» опять?
- Трудно «вы» сказать.
- И не «вы» сказать.

«А я милого узнаю...»

Мил купил бутылку водки,
Алкоголь свалил его.
По отсутствию походки
Я узнала милого.

* * *

– Тук-тук-тук! – Войдите!
– Здрасьте. Извините,
Это я от сглаза
Постучал три раза.

Занимательная орфоэпия

Расплачусь от избытка чувств —
Читай: слезами расплачусь.

Это пригодится

Идя к интеллигентке в гости,
Возьмите вантуз вместо трости.

Народный календарь

День Иуды Бессребреника. В этот день принято предавать своих родных, близких, друзей. Но ни в коем случае нельзя делать это за деньги.

Лучше гор могут быть только горы...

На международных соревнованиях по альпинизму мастер спорта из Одессы И. Бытаков покорил итальянскую скалолазку Люцию Корочче (1 м 73 см).

Полвека вместе

Вот уже 50 лет не дает развода своему супругу Семену Авелевичу Заку жительница нашего города Анфиса Поликарповна Купцова.

Славный юбилей

С большим размахом отметили жители города Краснодарвинска 5658035-летие происхождения человека от обезьяны.

Путем эксперимента

К интересному заключению пришли ученые петропетровского антропологического института. Они установили, что результаты опытов на добровольцах существенно отличаются от результатов опытов над теми, кто пытался вырваться.

По заслугам

По предложению активистов панталыкского патриотического общества почетным жителем города Панталыка стал И.Ф. Абакумов. На вопрос нашего корреспондента, за какие заслуги он удостоен столь высокого звания, Иван Федорович пояснил: «Если б не я, наша телефонная книга начиналась бы с фамилии Абрамзон».

Новости спорта

В Красноярске состоялся открытый чемпионат страны по гаданию. Первое место в соревнованиях по бросанию башмачка за спину заняла Тамара Ферাপонтова из Уфы. Она бросила свой башмачок на 43 м 20 см, что на 20 см дальше ее же прошлогоднего результата. Жениху и на этот раз удалось увернуться.

Сюрреализм – в массы

Досконально изучив творчество Сальвадора Дали, красноярские искусствоведы пришли к выводу, что этого испанского художника-сюрреалиста можно не только понять, но и простить.

Распоясались

Как сообщил наш зимний корреспондент из Матрацка, разгул преступности в этом некогда спокойном городке достиг невероятных масштабов. Здесь на улицах среди бела дня срывают уже не только шапки с голов прохожих, но и чулки с голов грабителей.

Новости кино

Известный кинорежиссер Савелий Карavaев приступил к съемкам фильма по книге Поля Брэгга «Чудо голодания». Рабочее название картины – «Унесенные ветром».

С шестом

На международных соревнованиях в Таратутино после очередной неудачной попытки преодолеть высоту 4 м 20 см местный спортсмен О. Морозов установил мировой рекорд в метании шеста.

Религия на марше

Результаты опроса, проведенного в Святоводске, показали, что 75 % жителей этого города в Бога еще верят, но Ему уже нет.

Новости террора

Совсем обнаглели террористы Пятикопытинска. 23 марта, и пальцем о палец не ударив для того, чтобы взять в заложники хотя бы одного человека, они потребовали от городских властей миллион долларов и самолет с полным баком горючего.

Надувных дел мастера

Подобно тому, как старинное российское село Пинокиево на весь мир известно своими матрешками, другое российское село – Кумирово – прославилось надувными куклами. Более двухсот лет делают их здесь местные народные умельцы. Вручную делают, из особого сорта дамасской резины, и каждой кукле имя дают. Причем Антонина никогда не будет похожа на, скажем, Евдокию, а Евдокия – на, допустим, Зинаиду.

Трудно найти в Европе порномаркет, секс-шоп, кукольный дом или притон, где бы не было изделий кумировских мастеров. Еще бы: ведь эти надувные русские красавицы традиционно пользуются большим спросом на Западе.

Сельские старожилы поговаривают, что давным-давно жил в Кумирово чудо-мастер по имени Серафим. Кукол делал – закачаешься. А одну до того искусно выкроил, склеил, надул и расписал, что в свое же творение влюбился без памяти. И вот от этой его безумной любви кукла, которую мастер Галиной назвал, ожила и ответила Серафиму взаимностью...

Так оно было или нет, сегодня сказать трудно, но то, что в 1846-м молодой кумировский помещик Анциферов из-за надувной Анастасии (90×60×90 и ноги от шеи) стрелялся с петербургским студентом Ольховским, – это, как говорится, медицинский факт.

Килограммы-близнецы

Уникальный для одесского Привоза случай произошел на этом знаменитом рынке. Здесь обнаружены две килограммовые гири одинакового веса.

Могут же, если хотят!

Островное государство Компотжа, освоив технологию изготовления виски, сообщает о своей алкогольной независимости от Шотландии.

Оптимист

Вытирает ноги, прежде чем постучать в дверь.

Маленькие хитрости

Если в течение дня вы ничего не сделали, не огорчайтесь. Значит, этот день можно считать праздничным.

Ненавязчивый сервис

Пятизвездочная гостиница. Звездочки во дворе.

В добрый путь!

Хорошая традиция существует на петропетровском оборонном предприятии – разбивать о каждый новый танк бутылку с зажигательной смесью.

Ретропесенка

Еду-еду по Одессе
Не на форде-мерседесе —
На своем велосипеде
По Одессе еду я.
Еду на велосипеде
К декольтированной леди,
К той, что в городе Лондоне
Днем и ночью ждет меня.

Там на улице на стрите
Изумительная жите —
льница города Лондона
Свой имеет особняк.
Ей с готических балконов
Видно очень далеко, но
Ей пока меня не видно
Днем с огнем и без огня.

Но я еду по Одессе
Не на форде-мерседесе —
На своем велосипеде
По Одессе еду я.
Еду на велосипеде
К декольтированной леди,
К той, что в городе Лондоне
Днем и ночью ждет меня.

А в роду у этой леди
Лишь милорды да миледи,
Только леди не подходит
Ни один на свете сэр.
Что бедняжке делать, если
Не доедет Майкл Уэкслер,
Не приедет Майкл Уэкслер
Из страны СССР?

Я приеду непременно.
Встав на левое колено,
Крикну леди: «Где вы, леди?!» —
Под окном особняка.
Только крикну, как навстречу —
Эта грудь и эти плечи...
Обязательно приеду.
Непременно. А пока...

Еду-еду по Одессе
Не на форде-мерседесе —
На своем велосипеде
По Одессе еду я.
Еду день, четыре, месяц,
Еду год, четыре, десять
К той, что в городе Лондоне
Лет пятнадцать ждет меня.

Борис Бурда

Из цикла «Малая энциклопедия смешного»

Эти смешные военные

В делах армейских всегда масса смешного – и не только для штатских. Ну скажите, каково содержать массу людей для того, чтоб они никогда не работали по специальности? Еще Сун-цзы, великий китайский военный теоретик времен культа личности Цинь Шихуанди, считал, что высшее искусство полководца – победить врага, не сражаясь. И это правильно – еще двести лет назад великий князь Константин Павлович справедливо заметил, что война портит солдат, пачкает мундиры и разрушает строй. Так что от войны один вред.

Правда, финансовые убытки от войн принято преувеличивать. 15 ноября 1923 года наконец-то удосужились подсчитать военные расходы Германии в Первую мировую войну. Оказалось, что война обошлась бывшей империи... в 15,4 пфеннига, поскольку вследствие инфляции рейхсмарка подешевела к этому времени ровно в триллион раз!

Ясное дело, в организацию, занятую столь ответственными вопросами, не так просто попасть. Не зря, очевидно, ехидный Бернард Шоу отмечал, что британский солдат совершенно непобедим и единственная организация, которая сможет нанести ему поражение, – это его собственное министерство обороны. А во флот офицеров набирают с такими сложностями, что Сирил Норткотт Паркинсон даже специальный способ отбора предложил – в случае равенства кандидатов задать им решающий вопрос: «Назовите номер такси, на котором вы сюда приехали». Принимается, конечно же, ответивший быстрее, что бы он ни сказал, – откуда комиссии знать этот номер?

Нужно сказать, что чины в армии – это не просто звездочки и повышение оклада. Супруга некоего французского маршала как-то даже сказала некоему духовному лицу: «Имейте в виду, мсье, что даже Богу придется дважды подумать, прежде чем проклясть человека нашего круга». Вот так... А жена одного маршала, большая демократка, в доказательство своих либеральных убеждений обычно говорила: «Представляете, я выдала свою родную дочь за сына простого генерала». Подруги ахали и хватались за сердце.

Да и добиваются чинов в армии по-разному. Полковник Ермолов, будущий герой войны 1812 года и Кавказа, настолько дерзко разговаривал со своими сослуживцами, которые были выше его чином, что они предприняли беспрецедентную меру для того, чтоб не чувствовать себя униженными этим: выпросили и ему генеральский чин – от генерала все-таки не так обидно выслушивать такое. Зря они так о генералах – как известно, Николай II только до полковника и дослужился. В полковники его папа, Александр III, произвести успел – и вскоре после этого умер. Не самому же себе чины присваивать. Тогда это еще было неудобно... Вот в тех армиях, где чины просто покупали (не так, как вы подумали, а официально: купил, скажем, патент на чин капитана – и ты уже капитан), было проще.

Между прочим, кое-где эта система дожила до наших времен. В американском штате Небраска диплом адмирала вышеупомянутого штата стоит всего 25 зеленых. Самый настоящий, дающий право на командование всеми военными кораблями в водах этого штата. Покупайте и пользуйтесь – никаких особых бед все равно не натворите, ибо этот штат находится в самом центре США, и до ближайшего моря нигде ближе пары тысяч километров никак не выходит.

Военная тайна – отдельная тема. Еще во время франко-прусской войны во французской армии были пулеметы. Почему же оружие, эффективность которого в Первую мировую войну превзошла все ожидания, не остановило пруссаков под Седаном? Да очень просто: из соображений секретности не издали инструкций для пулеметчиков, и никто не умел стрелять из пулеметов! Что называется, прячь от своих, чтобы чужие боялись... Впрочем, во французской армии это никогда и не кончалось. Французский академик Анатолий Абрагам вспоминал, как на каверзный вопрос капрала «Каков состав жидкости гидравлического тормоза полевого орудия калибром 75 мм?» он отвечал точно по уставу: «Состав жидкости гидравлического тормоза полевого орудия калибром 75 мм является военной тайной». И все были довольны.

Естественно, наша военная цензура никогда бы не позволила, чтоб ее хоть в чем-то превзошли какие-то лягушатники. В Великую Отечественную, например, в одной из газет опубликовали статью о русском патриотизме с многочисленными историческими примерами. Так вот, поскольку нельзя было употреблять названия воинских частей и соединений, в этой статье беспрерывно ссылались на никому неведомый шедевр «Слово о подразделении Игореве».

Но никто не спорит – военную тайну нужно беречь, причем не всегда даже поймешь, какую именно. Во время осады войсками Петра Великого турецкой крепости Азов, происшедшей в 1695 году, голландский пушкарь Яков Янсен изменил России и бежал к туркам, чтоб сообщить им главный русский военный секрет – что после обеда вся армия спит как убитая, и делай с ней в это время что хошь. Турки послушались Янсена, напали на русских именно после обеда и нанесли им большой урон. Кстати, в свое время эта военная тайна Россию и выручила: одно из главных подозрений в самозванстве Лжедмитрий навлек на себя тем, что не спал после обеда. На войне как на войне, и знание, когда противник спит, – тоже оружие.

И не самое экзотическое. Вспомним троянского коня. Кстати, знаете, как греческий лазутчик Синон убедил троянцев внести коня в город? Наврал им, что для того-то и сделали его греки таким большим, чтоб троянцы, не дай бог, его в город не внесли. Троянцы даже часть стены разобрали, чтобы сделать врагу назло.

Достаточно необычное оружие применили в 1532 году индейцы против испанских конкистадоров на берегах Ориноко. Суровые идалго просто плакали навзрыд – а что еще делать, надышавшись паров сжигаемого горького перца? Вот такой газовый баллончик – тоже не сейчас выдумали.

Да что там растения – сколько животных призвали под знамена, это же уму непостижимо! В древнеегипетской армии сражались ручные львы; Ганнибал вторгся в Италию на единственном не замерзшем в Альпах слоне; верблюжья кавалерия применялась в русской армии еще двести лет назад и раз за разом была обычной как хотела – фигурально выражаясь, одним плевком; голубиную почту в швейцарской армии только пару лет как отменили (отменять военные вообще не любят – только в 1947 году англичане наводили порядок в бюджете и отменили должность человека, обязанного в момент вторжения Наполеона в Англию выстрелить из пушки).

А вооружение различных армий тоже было, скажем так, достаточно экзотично. Например, практически у всех прусских военных, кроме солдат, на вооружении имелась палка, которой они и били своих, чтоб чужие боялись. А один сиамский король, отступая, приказал обстреливать врага из пушек не ядрами или картечью, а серебряными монетами. Чем и остановил неприятельское наступление, полностью дезорганизовав противника, не желающего покинуть поле боя, пока не соберет все до копейки. Далеко этим сиамцам до воинов Юлия Цезаря, которым их полководец, наоборот, приказал украшать оружие золотом и драгоценностями – чтоб бросить было жалко. Кстати, о новых вооружениях – задали как-то на одной из игр «Что? Где? Когда?» вопрос: «У греков и римлян это доходило до груди, а у скифов – аж до уха. Только в шестом веке нашей эры Велизарий добился от своих катафрактариив, чтоб у них всех это дотянулось до уха. Что же это такое?» Правильный ответ был прост: тетива лука, но никто его

не дал. Прохихикали всю минуту обсуждения сами не знают над чем. Ума не приложу, чего же тут смешного...

Еще одна проблема наших доблестных защитников – как отличить своих от врагов. Форма помогает не всегда: во время войны 1812 года была масса случаев убийства русскими солдатами своих офицеров – особенно в темноте. Стреляли на французскую речь, а некоторые российские офицеры и языка-то другого толком не знали. Да еще и говорили чисто и грамотно – лучше самих французов. С печальными, разумеется, последствиями. Не то что головорезы Отто Скорцени, которые, забравшись в тыл союзников в американской форме, на первой же бензоколонке попросили залить в свои машины по самые пробки «петрол», как последние британские «томми», а не «гэс», как полагается бравым «джи-ай». На чем их рейд и закончился, слава богу. А форменная (во всех смыслах) трагедия произошла в 1948 году во время арабо-израильской войны с полковником израильской армии Давидом Маркусом. Изнывая от жары, он лежал голый в своей палатке, а когда приспичило по малой нужде – завернулся в простыню и вышел. Израильские солдаты, с ужасом увидев посреди своего лагеря самого настоящего араба в белом бурнусе, нафаршировали его свинцом из своих «узи» в мгновение ока.

Но соблюдать требования формы тоже следует неформально. В свое время кадетам Аннаполиса было приказано построиться по какому-то торжественному случаю на плацу в португезах и при кортиках. Один из них выполнил приказ совершенно точно – кроме указанных вещей, на нем нитки лишней не было. А звали отчисленного в тот же день горе-служаку Эдгар Аллан По. Впрочем, эта история кончилась, пожалуй, совсем неплохо – и для него, и для армии. Так он за всю жизнь и не повоювал ничуть. Чего и всем вам желаю.

И Родина щедро поила меня...

Знаменитый кулинар Похлебкин писал, что, по представлению многих языческих народов, загробный мир находился под землей. Чтобы попасть туда, надо было переплыть реку, охраняемую подземным речным божеством, его самого – задобрить, подкупить, а еще лучше – усыпить его бдительность. Именно для этого, полагает Похлебкин, люди изобрели алкоголь.

Правда, божеству доставались капли – живые распробовали тоже. Древние персы даже принимали важные политические решения исключительно мертвецки пьяными – чтоб растормозить подсознание. А чтоб оно не растормозилось совсем, выполнялось только то решение, с которым принявшие его соглашались на следующий день, хорошо проспавшись и откушав местного огуречного рассола. Завоевавшие их македонцы тоже нашли в этом обычае рациональное зерно. Александр Македонский даже конкурсы проводил – кто больше выпьет. Из 300 участников одного из таких конкурсов 152 выбыли из строя задолго до финала, 58 тяжело заболели и остались калеками на всю жизнь, 44 умерли до финала, 39 – после, 6 сошли с ума и только один остался жив-здоров. Так что победителя определили без труда.

Греки, правда, пили разбавленное вино, считая, что водичку не доливают только скифы, то есть мы с вами. Даже специально поили рабов до полной потери человеческого облика и водили по городу – вот, мол, смотрите, что бывает с неразбавляющими. Помогало это не слишком: спартанский царь Клеомен так и спился, несмотря на наглядную агитацию. Впрочем, что там пьяный раб! В Древнем Египте во время особо пышных возлияний вообще ставили на угол праздничного стола скелет, обвешанный погребальными украшениями, – вот, мол, что с тобой будет, если выпьешь больше дозволенного Осирисом. А толку-то?..

Да и римляне именно с этим элементом греческой культуры испытывали немалые затруднения. Сначала на римском пиру надо было выпить три раза – в честь трех граций, потом девять – в честь девяти муз. А потом уж начинали пить за здоровье хозяина – столько раз, сколько букв в его имени. А если его зовут Публий Корнелий Сципион Назика Коракулос, то

в кого же столько влезет? Не зря древние римляне поговорку «истина в вине» дополняли ныне забытой второй частью – «здоровье в воде».

Не отстали от римлян и наши предки – даже религию выбрали потому, что «веселие Руси есть пити», а Магомет этого не велит. Видите ли, когда Магомет перенесся на седьмое небо и предстал перед Аллахом, он получил на выбор два сосуда. Он выбрал молоко, а вино с тех пор пить мусульманам не велено (про водку и коньяк, что интересно, в Коране ни слова).

Между тем «веселие Руси» все ширилось и ширилось. Непьющих обвиняли в прямой ереси – действительно, была такая секта аквариев, которая проповедовала причастие водой вместо вина. Так что непьющего могли ненароком и сжечь. Не говоря уже о том, что русские цари сравнительно рано додумались до водочной монополии, а когда посадишь бюджет на такую иглу, соскочить довольно трудно. Во времена построже любому, кто отговаривал посетителя кабака пропивать последнюю рубаху, просто отрубали руку и ногу – по одной, не варвары, чай, но все-таки... Это быстро привело к тому, что пришлось при Петре даже утверждать специальную медаль «За пьянство»: была она из чугуна, весила 17 фунтов и носить ее полагалось, не снимая. Правда, где же логика в том, что одним из официальных наказаний чиновников за упущения было лишение казенной чарки? Не говоря уже о петровском «Всешутейшем и всепьянейшем соборе», где и сам царь, и все его приближенные вели титаническую борьбу с зеленым змием, в которой змий регулярно побеждал. Но водка в России была хороша! Екатерина II не постеснялась предложить ее в подарок и Фридриху Великому, и Густаву III Шведскому, не говоря уже о мелких итальянских и германских государях. Она посылала русскую водку в подарок Вольтеру, нисколько не опасаясь стать жертвой его убийственного сарказма. Такой же дар получили Линней, Кант, Лафатер, Гете и многие другие. Великий Линней, попробовав подарок, был столь им вдохновлен, что написал целый трактат: «Водка в руках философа, врача и простолюдина. Сочинение прелюбопытное и для всякого полезное». Умный человек и пьет с пользой для дела, а не для одной головной боли...

Кстати, водок тогда было чуть ли не больше, чем сейчас. Их перегоняли с травами и плодами, готовили наливки и настойки, и эта культура родила своих гениев. В те годы не было «Что? Где? Когда?», но была своя интеллектуальная игра – пригубить чашу со смесью разных водок и вин, поморщиться, задуматься и наконец изречь: «Медовуха, очищенная, сливянка, калганная, вишневка и абрикотин... Понятно – Москва!» И это еще не предел, ибо история сохранила память об умельцах, которые, прихлебнув более многокомпонентной смеси, без труда отгадывали слово «Навуходоносор». Любое занятие человек доводит до совершенства!

Но обвинить Европу в отсталости по этому важнейшему делу тоже язык не поворачивается. С тех пор как предтеча Билла Гейтса, создатель весьма своеобразной модели компьютера Раймунд Луллий, пытаясь изобрести лекарство от всех болезней, повторил открытие неведомого мусульманского алхимика с типично арабским названием «аль-кохоль» (во дают – сами выдумали, сами и запретили!), в Европе такое началось – на трезвую голову не выдумаешь! Уже в XV веке любой немец, встретив трезвого человека, немедленно интересовался у него: «Ду ю спик инглиш?», поскольку, по его понятиям, трезвый человек не мог не оказаться иностранцем. А через двести лет в Голландии распорядились считать недействительными все деловые бумаги, подписанные после трех часов дня, ибо в представлении законодателя любой голландец после обеда просто обязан был надраться до положения риз и за свою подпись не отвечал по определению. А знаете, кто первый в истории напился до положения риз? Что интересно – Ной. Когда на радостях по поводу благополучного исхода плаванья ковчега он малость принял на грудь и валялся в пещере голый и с залитыми зенками, его почтительные старшие сыновья зашли в пещеру спиной вперед, чтобы не видеть папочку в похабном виде, и укрыли его одеждой – положили ризы.

Впрочем, это только у нас напиваются до положения риз. А вот француз нажирается, как певчий дрозд (известно, когда петь хочется!), как монах (чем строже запрещают, тем больше

пьют), как тамплиер, как ломоть хлеба в бульоне (красивый образ!), а после революции – как Робеспьера ослица (очевидно, именно этим Робеспьера ослица отличается от Валаамовой). Немцы напиваются, как береговая пушка, как волынка, как фиалка (наверное, по цвету носа), как тысяча человек и, когда уж совсем-совсем, как семеро шведов, о фантастической емкости которых помнят с Тридцатилетней войны. Красивей напиваются англичане: о тех, кто уже совсем хорош, говорят «пьян как лорд». Наши стелька, доска и драбадан далеко не так аристократичны. Впрочем, времена меняются, и теперь английские политологи с удивлением отмечают, что пьянство является главной причиной парламентских скандалов именно для лейбористов – партии рабочей, а для аристократичных консерваторов главная причина попадания на первые страницы бульварных газеток в наши времена – все-таки секс.

Там, где пьют вино, запойных алкашей малость поменьше – недаром в советские времена гиды в городах закавказских республик первым делом сообщали туристам о том, что вырезвителя в их городе нет. Но, провалив контрольные цифры по алкоголизму запойному, жители винодельческих краев прекрасно наворачивали на алкоголизме хроническом. В французском языке есть даже идиома «сентябрьские дети»: в сентябре молодого вина было хоть залейся, и дети, зачатые в эти дни, не всегда могли научиться считать до трех. А во французской армии, согласно интересным воспоминаниям одного академика, было принято «пить девочек по метру» – это означало хлестать молодое вино и, пока длина выставленных в ряд бутылок не достигнет метра, этого занятия не прерывать. Кстати, этот французский академик, хотя и русского происхождения, судя по всему, не знал правил дифференцирования выпивки. А правило это очень простое: производная от выпивки есть количество выпивки, купленное на сданные бутылки (опытные алконавты изящно именуют их «хрусталем»). Согласно принятым среди одесских студентов в годы моей учебы традициям, выпивка считалась достойной внимания, если ее третья производная не была равна нулю. Кстати, для любителей математики могу предложить полезную в быту математическую формулу – $Q = (M \times 100) : \%$, где M – вес человека в килограммах, а $\%$ – крепость напитка в градусах. Ну а Q – это количество данного напитка в граммах, которое человек может в среднем выпить, не нажив слишком больших неприятностей.

Многим приходила в голову весьма простая идея: если алкоголь так вреден, не запретить ли его к чертовой матери? Мировой опыт показывает: лучше не надо. Самый известный в истории «сухой закон» – американский «прохибишен» как раз и породил большинство тамошних гангстерских империй. Об эффективности таких запретов говорит популярный в те времена анекдот. Некий человек, приехав в незнакомый город, интересуется у портье отеля: «А где у вас можно кофе выпить... ямайского или шотландского, вы меня понимаете?» – «Видите здание напротив? Это церковь», – объясняет портье. «Как? Даже там?» – удивленно восклицает клиент. «Нет, только там нельзя, – успокаивает его портье, – во всех остальных домах можно».

И в заключение я обращаюсь к вам, о не знающие своей дозы! Не ссылайтесь на благородные вина Бургундии и Крыма, на легкое «Шабское», терпкое «Мукузани» и его высочество мускат «Ливадия», после которого любая закуска, кроме медленного танца, кажется кошунством, – спиваются не на качественных винах, а на самогоне и шмурдяке. Не бойтесь рюмки вина, как черт ладана, – уже даже ВОЗ рекомендует для сохранения упругости сосудов стакан красного вина в день. Но не забывайте слов поэта: «Пить можно всем. Необходимо только знать точно, с кем, за что, когда и сколько», – и у вас всегда будет чем закусить. А это не менее важно, чем выпить.

Шутят не только физики

Издавна образ ученого в литературе создавался людьми неучеными. Со всеми вытекающими. Анекдотически рассеянный профессор такое творит, что возникает вопрос – как чело-

век с такими мозгами еще таблицу умножения помнит? С одной стороны, это объясняют тем, что он только о своей науке и думает, с другой – просто неученым так приятней.

Бывает, что ученый действительно несколько увлечется, как великий химик Бутлеров, и на крик слуги «В вашу библиотеку забрались воры!» полюбопытствует, что же они читают.

Кто ученых не любит – ясно. Во времена упадка Рима его как-то решили очистить от чужеземцев и проходимцев. Результаты этой кампании были поразительны: изгнаны были не певички, не танцовщицы, не те, кто выдавал себя за певички и танцовщиц, даже не прислужники богачей, а именно ученые. Может, издавшего сей указ императора вскоре после этого прире-зали совершенно случайно. А может быть, и нет...

Есть, конечно, и у ученых свои странности. Вот ботаники не так давно выпустили книгу с образцами почерков всех известных ботаников прошлого. Чтоб хоть как-то разбирать их почерка на этикетках гербариев, а то почерк у ботаников даже хуже докторского.

Стоит нам вспомнить и профессора Симона Ньюкомба, математически доказавшего, что аппараты тяжелее воздуха летать не могут. Так что все самолеты летают неправильно и анти-научно. Собственно, птицы тоже летать не могут – это всего лишь частный случай выводов профессора Ньюкомба. Может, он никогда птиц не видел?

Зато ученые в борьбе за свои взгляды готовы на все. Во время демонстрации первого фонографа в Парижской академии ее постоянный секретарь внезапно бросился на демонстра-тора и схватил его за горло с воплем: «Не позволим чревоушателю нас обмануть!» Но фоно-граф не смогли заглушить даже хрипы его жертвы. Что делать – если факты расходятся с тео-рией, тем хуже для фактов! Во время дискуссии Фомы Аквинского с Альбертом Великим о том, есть ли у крота глаза, два великих ученых категорически запретили присутствующему на диспуте садовнику принести им из сада крота и разрешить их спор. «Нам не важно, есть ли у крота глаза, мы хотим знать, должны ли они у него быть», – ответили авторитеты.

Впрочем, методу научных дискуссий еще недавних времен мы не забыли. Кибернетику, например, обвиняли в ниспровержении материалистической диалектики, в подготовке пора-бощения людей иным разумом и даже в лишении людей возможности размножаться старым добрым способом – чтоб уже все возненавидели. А когда выяснилось, что без этой продаж-ной девки империализма военная техника работает плохо, и специальными постановлениями соответствующих органов ей была возвращена невинность, вошли в моду байки о роботах. Одна из самых типичных приведена Стругацкими – о кибернетике, который изобрел машину – предсказатель будущего и задал ей вопрос: «Что я буду делать через час?» Машина думала сутки и изрекла: «Будешь сидеть и ждать моего ответа».

На Западе традиция розыгрышей на эту тему, естественно, постарше нашей. Когда Ферми работал в Чикаго, он всегда ел в университетском кафетерии со своим коллегой Адам-сом, а обслуживал его официант-итальянец, обожающий своего великого земляка. Но каждый раз, подав Адамсу еду, он долго стоял и с удивлением и вниманием смотрел, как тот ест. Ферми не выдержал и спросил, в чем дело. Оказалось, что студенты Ферми разыграли официанта, уверив его в том, что Адамс – сделанный Ферми робот.

А вот еще одна общая черта ученого люда – одеваться во что им удобней и не очень задумываться, что по этому поводу скажут соседи. Когда Эйнштейн переехал в Принстон, жена попыталась уговорить его одеваться хотя бы так, чтоб свести к минимуму риск подачи ему милостыни и привода в полицию для выяснения личности. «Зачем? Здесь меня никто не знает!» – ответил великий физик, не желавший менять привычки. Аналогичная просьба через пару лет была встречена не лучше: «Зачем? Здесь меня знают все!»

Заблуждения великих ученых тоже на чем-то основаны. Знаменитый Джоуль, например, считал, что электродвигатели никогда не вытеснят лошадь, и весьма убедительно это доказал. Действительно, стоимость цинка, расходуемого в батареях, больше стоимости овса, который съест лошадь, выполняющая ту же работу. А что есть и другие источники электроэнергии,

Джоуля не учили. Так и назвали в его честь силу той физической величины, в практическую полезность которой он не верил. Или овес нынче дорог стал?..

Однако далеко не все ученые оторваны от жизни. В 1802 году Пьер Лаплас по поручению Наполеона пытался узнать подробности одной засекреченной работы Исаака Ньютона, но это ему не удалось. Она не рассекречена и поныне. Это работа Ньютона на посту заведующего Монетным двором Англии. За короткий срок он смог в восемь раз поднять производительность труда. В наше время, когда денег печатают много, его бы до чистой физики, пожалуй, и не допустили бы.

Замечательные и нестандартные решения умел находить и Сергей Королев. Без всякого труда он смог протестировать сложнейшую установку, разработанную несколькими НИИ, которая должна была определить, есть ли на Марсе жизнь. Даже на Марс не возил – приказал вывезти в степь и включить. Установка провела тщательные исследования и доложила, что жизни на Земле нет, чем вопрос ее пригодности и решился раз и навсегда.

А как здорово продемонстрировал еще в 1748 году Бенжамен Франклин ценность и необходимость известковых удобрений в сельском хозяйстве – выложил ими на своем поле фразу «это поле удобрено», всходы там взошли гораздо быстрее и лучше, и все проезжавшие мимо могли это прочесть и запомнить. Вот это наглядная агитация! Так и сейчас: хочешь получить деньги на исследование – сумей четко и наглядно объяснить его пользу. Когда ядерный центр ЦЕРН колебался, заказывать ли европейцам некое важное оборудование в США или изготавливать самим, проблему решил бывший москвич, а ныне французский академик Анатолий Абрагам, просто рассказав анекдот об английском солдате в Австралии. Его невеста написала ему: «И что это такое есть у австралийских девиц, чего нет у меня?» Он ответил: «Ничего, дорогая, но у них это здесь». И вопрос решился в пользу старушки Европы.

Ученые вообще демонстрируют порой чудеса находчивости и предприимчивости. Великий Менделеев, к примеру, был очень практичным человеком и толковым руководителем. Вступив в должность ученого охранника депо образцовых мер и весов, он перед визитом великого князя Михаила завалил все проходы депо всевозможным хламом до полного неприличия. И выбил ассигнования на расширение.

Даже собственным студентам ученые в остроумии не уступают. В анекдотах обычно находчивый студент посрамляет глупого профессора. На самом же деле профессор и умней, и шутить ему проще – ему-то студент двойки не поставит. Лучше на экзамене не состязаться в остроумии с профессорами. А то один английский студент ответил на экзамене на сложный вопрос: «Бог знает, а я – нет». Преподаватель без труда возразил: «Бог выдержал экзамен, а вы – нет». А когда проваливший самому Боткину экзамен по анатомии студент воскликнул: «Сейчас вонжу себе нож в сердце и покончу счеты с жизнью!», Боткин ответил, что с такими знаниями анатомии студент все равно не определит, где у него сердце. И оказался прав.

Порою ученые весьма и весьма предусмотрительны. В 1927 году великий математик Гильберт должен был читать лекцию в Лоренцевском институте. Вылетая туда, он предварительно телеграфировал тему своей лекции: «Доказательство теоремы Ферма», но прочел совершенно другую лекцию. Его спросили: «Зачем вы так поступили?» – «Очень просто, – ответил Гильберт, – если бы самолет разбился, все были бы уверены, что я доказал теорему Ферма, но не успел сообщить об этом».

Что делать, ученые чувствительны к славе, хотя устаиваются ее легко и незаметно. Когда у Альберта Швейцера спросили, как же он получил три докторские степени, он ответил, что третью он получил, потому что имел вторую, вторую – потому что уже имел первую, а первую – потому что не имел ни одной. Все совершенно логично, но почему же тогда этой степени нет у меня и у вас? Ведь вроде все совпадает... Наверное, надо что-то еще.

В США ученых ценят. Причем забота о них доходит в Штатах до совершенно животноводческого уровня: существует специальный фонд Грэма, собирающий и хранящий сперму

нобелевских лауреатов для искусственного оплодотворения американок, мечтающих родить гения. Есть и более простые способы, но как внушить это тамошним феминисткам?

А вот что мне симпатично в ученом народе – способность не только к иронии (этого у всех навалом), но и к самоиронии. В вычислительном центре, обслуживающем одну из корпораций США, в центре машинного зала на специальной подставке стоит стеклянный ящик с надписью: «При аварии разбить стекло», а в нем находятся... обыкновенные конторские счета.

А насколько ученые убедительнее и изощреннее в доказательствах очевидного, чем мы! В благой памяти 1970 году четвертинка водки стоила 1 рубль 49 копеек, а пол-литра – 2 рубля 87 копеек. Это обстоятельство в свое время использовали наши математики, чтобы доказать, что пьянство – дело нерациональное. И в самом деле, $1,49$ в степени $2,87$ с достаточно большой точностью равно числу «пи», иррациональному по определению. Вы представляете, кем нужно быть, чтоб такое заметить? Я – нет. Лучше я буду думать, что так заранее в Госплане и задумали, а потом кто-то проболтался.

И все же, все же, все же... Жительница Сан-Франциско Бетти Грэхем из всех передач ТВ больше всего любит сводку погоды, зарабатывая на ее просмотре до 27 долларов в месяц. Как именно? Очень просто: держит с мужем на доллар пари, что погода будет не такая, как в прогнозе. То ли простая домохозяйка Бетти Грэхем умнее всех ученых, то ли метеорология – не наука... Ученые когда-нибудь разберутся.

Скрипичный ключ под ковриком

В музыке каждый понимает по мере веса слона, в детстве наступившего ему на ухо. Президент США Улисс Симпсон Грант (тот, который с полтинника) вообще говорил, что знает только две мелодии, одна из которых – «Янки дудл». А на вопрос, какая же вторая, гордо отвечал: «Не «Янки дудл». Впрочем, лучше, когда руководитель так разбирается в музыке, чем, скажем, как Жданов, который учил композиторов, какая должна быть музыка – чтоб ему, Жданову, было приятно ее напевать. Так что лучше, чтоб руководитель своих музыкальных вкусов не демонстрировал. Разве что как Елизавета Английская, даровавшая некому доктору Джону Булю (интересное, кстати, совпадение) герб с надписью «Sol, mi, re, fa» – за сочинение английского гимна «Боже, храни королеву». А то вот Николай I не любил Глинку и разрешал заменять провинившимся офицерам гауптвахту... посещением оперы «Руслан и Людмила». Кстати, некоторое время мелодия Глинки прослужила российским гимном – не месть ли это гонителю декабристов?

А вообще-то говоря, музыка в государственной мощи дело не последнее. Еще Наполеон говорил, что в российской кампании у его войска было два главных врага – морозы и русская военная музыка. Да и генералы Великой французской революции, прося подкрепления, писали: «Пришлите два полка солдат или тысячу экземпляров «Марсельезы». Музыка – дело смертоносное, причем не только для людей. Недавно в одном старинном английском замке состоялся рок-концерт, после которого из замка начисто исчезли крысы. Ни кошки, ни отравы не смогли добиться того же, что чарующие звуки современной музыки. Это еще раз доказывает, что люди сильнее крыс и слухи о живучести последних несколько преувеличены.

Правда, и люди не всякую музыку любят. Арабы, например, никогда не насвистывали мелодий, называя свист «музыкой дьявола». А иногда не музыка, а сами музыканты виноваты в том, что добиваются не совсем того успеха, о котором мечтают. Россини как-то в опере ругал горе-певца на чем свет стоит, но уйти отказывался – не хотел пропустить третьего акта, где того по сюжету убивали. Когда один бездарный композитор предложил Равелю послушать его последнюю работу, тот радостно сказал: «Действительно последнюю? Тогда поздравляю вас от всей души!» А когда более дипломатичного Массне спросили, почему он хвалит композитора Рейса, который всегда его ругает, тот ответил: «Не обращайтесь внимания, мы оба не говорим

того, что думаем!» Карузо тоже был вежлив – выслушав заявление некоего козлетона «Мой голос звучал во всех ярусах театра!», он спокойно признал: «Да, я сам видел, как публика освобождала ему место».

Несколько трудней критиковать женщин-музыкантов – надо еще и политес соблюдать. Не всякий осмелится, как Генрих Нейгауз, в ответ на слова «Посмотрите, какая красивая пианистка – вылитая Венера Милосская!» честно признаться в своей мечте о том, чтоб ей для полного сходства еще и отбили руки... Вот Леопольд Стоковский, выслушав экзерсисы дочери одного богача, всего-навсего тактично заметил, что она играет по библейским заветам, и лишь потом пояснил, что имеет в виду – «ее левая рука не знает, что делает правая». А Густав Малер, когда его спросили, как выступила на конкурсе некая безголосая певица с большими связями, сказал, что для победы ей не хватило только одного голоса – ее собственного. Вообще, женщинам не музыка важна. Стоя в кулисе Большого на «Евгении Онегине», одна хористочка сказала: «Как Татьяна могла полюбить этого пижона Онегина – Ленский гораздо лучше!» На это исполнитель роли Онегина Оленин скромно возразил: «Пушкин же не знал, что Ленского будет петь Собинов!»

Зато когда любят музыку, так уж любят. Например, пауки: заиграешь перед ним на скрипке, он и выползет, и это не легенда, а научный факт. Паутина, знаете ли, от звуков колеблется, паук и думает, что муха попалась. Так что нет смысла играть перед пауками на скрипке – им все равно аплодировать нечем. Не то что, скажем, итальянцам – в 1792 году на премьере оперы Чимароза «Тайный брак» хлопали так громко, что артисты были вынуждены исполнить на «бис»... всю оперу целиком.

Бетховена, к примеру, даже приняли в Академию, несмотря на то что не было вакансий. Председательствующий убедил пойти на формальное нарушение красивой пантомимой: налил полный стакан воды так, что капли нельзя было добавить, а потом аккуратно положил сверху лепесток розы. Ни капли не пролилось – и Бетховен был принят. Сами музыканты как раз нередко не очень-то и обращают внимание на почести. Когда Россини сообщили о том, что на прижизненный памятник ему собрали по подписке много денег, он стал уговаривать памятник не строить, а просто отдать деньги ему, обещая постоять на пьедестале сколько положено. Да и стоит ли обольщаться славой? Когда перед самым представлением оперы «Паяцы» внезапно захворал исполнитель партии Арлекина, его согласился заменить сам великий Карузо. Пел он, как всегда, блистательно, но публика хлопала сугубо из вежливости – разве что заглянув на всякий случай в программки.

Кто из музыкальных знаменитостей жил не скучно – так это великий Карузо! В его честь даже стрижка «под Карузо» появилась. Как-то раз он зашел в парикмахерскую и попросил постричь его «под Карузо», на что парикмахер ответил: «Ни в коем случае! Вас это просто изуродует!» Когда у Карузо ремонтировали дом, подрядчик специально просил его во время ремонта поменьше петь – а то рабочие заслушиваются и нарушают всю капиталистическую трудовую дисциплину. А вот в банке, куда Карузо явился получить по чеку без всяких документов, напротив, пришлось петь. Выслушав арию из «Тоски», кассир согласился, что это удостоверяет личность получателя лучше любой бумажки, и выплатил деньги, а Карузо потом признался, что никогда так не старался, как в этом случае.

Журналисты осаждали его, как любую звезду, спрашивая во время интервью обо всем на свете. Один даже поинтересовался перспективами итало-американских торговых отношений, о которых Карузо имел не большее представление, чем Тутанхамон об Интернете. Великий тенор не стал делиться своими домыслами, а вежливо ответил, что узнает свое мнение по этому поводу, когда завтра прочтет в газете свое интервью. Слава Карузо превосходила все, что мы можем по этому поводу заподозрить. Правда, не все поклонники певца знали его творчество – некий фермер, дом которого случайно посетил Карузо, узнав, кто он такой, был вне себя от восторга: «Неужели я действительно принимаю великого путешественника Робинзона

Карузо?» Но его импресарио отлично представлял масштабы таланта своего клиента и после его смерти отвечал всем амбициозным певцам, претендующим на то, чтоб заменить покойного Энрико: «Да, вы могли бы это сделать при одном условии – если бы умерли вместо него».

Что говорить, трудно стать хорошим певцом. Я уж не говорю о певцах папской капеллы – те могли получить свою престижную работу только после маленькой операции, в результате которой их беспрепятственно допустили бы в гарем любого восточного владыки. Достаточно вспомнить о старинном способе выработки ровного дыхания – петть лежа с тазом воды на груди. Не сделал плавного вдоха – иди сушись. Да и стоит ли стараться, голос ставить? Шаляпин и Горький практически в одно и то же время пробовались в хор. Горького взяли, Шаляпина – нет. Представляете, какой у Горького был голос? Даже не ясно, почему не пошел по певческой линии. Может, потому, что профессия в принципе нестоящая. Какой-то ямщик спросил однажды у его конкурента Шаляпина: «Чем занимаешься, барин?» – «Пою», – честно ответил Федор Иванович. «Ну, это не работа, я, когда выпью, тоже пою. Занимаешься-то чем?» – упорствовал вокалист-любитель.

Но композиторам даже труднее жить, чем певцам, ибо жизнь ставит перед ними нестандартные задачи. Гайдн, например, обычные литавры использовал достаточно оригинально. Есть у него симфония, где во второй части музыка такая нежная, тихая, и вдруг на общем пиано ударник в литавры – хрясь! Так он отвел душу на гостях своего работодателя князя Эстергази, которые имели манеру засыпать на его концертах. Но Моцарт превзошел Гайдна, поспорив с маэстро, что напишет и исполнит произведение, которое Гайдн даже по нотам сыграть не сможет. «Действительно, не могу, – признался Гайдн, – чтоб такой аккорд зацепить, третью руку отрастить надо». Однако Моцарт обошелся без третьей руки, зацепив трудную ноту... кончиком носа!

Он был человек легкий, не то что Вагнер. Тот на премьерe своей «Валькирии» в Вене уперся рогом: на сцену должны выезжать настоящие лошади, причем только черные, иначе спектаклю не бывать, и все тут! А дрессированные лошади придворных конюшен, от которых хотя бы не ждали прямо на императорской сцене нарушения приличий, все серые, как нарочно... Положение спас австрийский дипломат фон Ринг, предложив не спорить с композитором, а просто покрасить имеющееся конское поголовье. Почему бы нет – премьерa прошла на ура, композитору приятно, а лошадям все равно.

Со временем техника начала вмешиваться в музыку. Еще в конце прошлого века скрипач Ян Стефани первым догадался вместо аккомпаниатора возить с собой валики фонографа, на которых были записаны партии фортепиано его скрипичных концертов. Никаких неприятностей по этому поводу у изобретателя первых «минусовок» не возникало. Наверное, потому, что свою партию он исполнял живую, без записи. А пианист Гендерсон воспользовался другим благом прогресса – страхованием. Но поскольку сумма страховки рук маэстро была 650 000 долларов, ему пришлось обзавестись не мыть посуду, не делать стоек на руках, не фехтовать, не выполнять тяжелых ручных работ и не подавать руки людям весом более 100 кило. Очевидно, его всегда сопровождал человек с весами...

А в советскую эпоху композиторов чтили почем зря. Даже пароходы в их честь называли – по Волге в свое время плавал теплоход, на носу которого было написано «К. Дунаевский». Но Дунаевского звали Исаак Осипович! Однако, когда это сообщали команде парохода, моряки уверяли, что все правильно. Пароход просто назывался «Композитор Дунаевский», а такое длинное название на носу не уместилось. А вот многолетнему главе Союза композиторов Тихону Хренникову Сталин загодя обещал, что улицу в его честь не переименуют. Во-первых, фамилия такая, всякое могут подумать, а во-вторых, по мнению Сталина, такая улица в Москве уже была. Неглинка.

Зато в нынешние свободные времена все поют, чего хотят. То, что в результате все слушают, чего не хотят, получается как-то само собой. Телевидение берет на вооружение опыт

Тома Соьера, взимавшего плату за разрешение выполнить порученную ему работу по покраске забора, и вместо того, чтоб платить музыкантам, само требует с них денег. Продюсеры покорно платят и строго-настроено велят певцам демонстрировать указанные ими одежду, прическу, манеры и сексуальную ориентацию, а для недовольных качеством пленительных мелодий напевают строчку из современного шлягера: «Я тебя слепила из того, что было...»

Вот и духовную музыку теперь никто не преследует. Один мой знакомый ухитрился в своем городе зарабатывать вполне приличные деньги пением. В воскресенье – в церковном хоре, в субботу – в синагогальном. Папа у него был русский, а мама еврейка, так что и ребе, и батюшка ничего против не имели. К религии, как видите, он относился спокойно, но был человек до неприличия добросовестный. И как-то пристал, как банный лист, к кантору – должен ли он в соответствующие праздники поститься, несмотря на убеждения. Кантор даже не сразу догадался, что ему ответить, а потом разразился тирадой, которую я цитирую дословно: «Слушай! Я тебе есть в посты категорически запрещаю, ты понял? Но я тебя совершенно не контролирую, ты понял?» Он понял.

День раненого таракана

Этот день издавна был особенным. Римляне, правда, предпочитали праздновать его 17 февраля, индусы – почти как мы – 31 марта. Древние германцы праздновали в этот день Новый год – и не только они. У французов, например, только в 1594 году король Карл IX издал указ о переносе начала года на 1 января. А указ об этом появился именно 1 апреля. Так что до сих пор французы в этот день в шутку отмечают Новый год.

Есть и масса других толкований этой даты. У германских народов в древности 1 апреля считалось днем низвержения злого духа с неба. В Средневековье этот праздник приурочивался к пасхальным торжествам. А вот на Кавказе этот день назывался «днем подарков»: любого кавказца можно попросить о чем угодно, хоть обо всех его наличных деньгах – и он с радостью отдаст, лишь бы вы были первым, кто в этот день обратится к нему с просьбой. Так что скорее на улицу – вдруг успеете... Поверили? Вот и я вас разыграл – так, самую малость. Такой уж это праздник – 1 апреля!

Как только не называют этот день! В Шотландии – «день кукушки», в Японии – «день куклы», в Испании – «день болванов», во Франции – «день рыбы», в США – «день дураков». Но смысл один: в этот день можно и даже рекомендуется разыграть повеселее ближнего своего и в то же время постараться не быть им разыгранным. Это не так просто – все только этого и ждут. Ожидания, впрочем, иногда и подводят. В своих интереснейших мемуарах французский академик, бывший москвич Анатолий Абрагам вспоминает, как его коллега профессор Симон с фантастическим спокойствием отнесся к сообщению о взрыве в его лаборатории, причинившем немалые разрушения. Причиной был лежащий у него на столе календарь с датой «1 апреля». Между тем взрыв действительно был...

А в России, по некоторым сведениям, все началось в 1725 году. Ранним утром жители Петербурга были подняты с постелей тревожным набатом, обычно возвещавшим о пожаре: их величество пошутили, как любили и умели. К счастью, все обошлось. И с того дня в России утвердилась традиция, которая существует и по сей день. Это достаточно типичный путь утверждения традиций на Руси. Не Норвегия, чай, где 1 апреля – праздник скорее крестьянский, и местные фермеры в этот день ходят друг к другу в гости, чтоб одолжить нож для отрезания хвостов, стеклянные ножницы, мякинный плуг, угломер для навозной кучи, комариный жир и другие столь же полезные предметы.

Не был чужд розыгрышам и великий Пушкин. Некая светская красавица буквально заставила его написать стихи в свой альбом. Ну и нарвалась: поэт посвятил ей крайне преуве-

личный мадригал, и только на следующий день обнаружился подвох во внешне невинной детали – дате под стихотворением. Сами понимаете какой.

Вообще великих людей разыгрывать опасно. Ученик Кювье, нарядившийся чертом и ввалившийся к учителю с воплем: «Кювье, я тебя съем!», был мгновенно изничтожен на весьма солидной научной основе. «Копыта, рога – травоядное, ты не можешь меня съесть», – ответил великий классификатор. Так тому недоучке и надо – следовало кричать: «Забодаю!»

Легче разыграть ученого, если розыгрыш более основательно связан с его любимой наукой. Как-то раз, придя утром в лабораторию, профессор Казанского университета Александр Михайлович Бутлеров застал двух своих ассистентов за работой: стоя у вытяжного шкафа, они нагревали что-то на пламени спиртовки. На вопрос, чем они занимаются, один из них ответил: «Да вот, получаем помаленьку синильную кислоту. Если хотите, можете посмотреть, сколько уже отогнали». С этими словами он достал из шкафа колбу и так неловко протянул ее оторпевшему Бутлерову, что она выскользнула у него из рук и разбилась. Увидев разлившуюся у своих ног лужу, Бутлеров опрометью бросился вон из комнаты. Что же крикнул ему вслед ассистент? Догадаться нетрудно...

Полюбили этот праздник и многочисленные балаганщики всех времен и народов. Еще в прошлом веке один содержатель труппы факиров объявил московским жителям, что влезет в горлышко обыкновенной стеклянной бутылки. Народ валом повалил в театр, а когда подняли занавес, на сцене одиноко стояла бутылка с надписью. Два слова, из которых и состояла эта надпись, вы без труда угадаете сами. Надо было сначала посмотреть на календарь, а потом уж в театр торопиться...

Любят первоапрельские розыгрыши и средства массовой информации, причем тоже издавна. Еще 1 апреля 1835 года газета «Нью-Йорк сан» сообщила, что двое известных ученых, Гершель и Брюс, в результате совместной работы изобрели телескоп, позволяющий рассматривать людей на Луне и Марсе. Газетчиков, говорят, потом вконец задергали просьбами сообщить, как получить доступ к этому телескопу. Так им и надо! А знаменитый «Сатирикон» даже приурочил начало своего выхода к 1 апреля 1908 года. Для журнала такой тематики – решение вполне разумное.

Что обычно удивляет в современных журнальных розыгрышах – степень доверчивости читателей. По сообщению журнала «Наука и жизнь» за апрель 1977 года, в лесах Баварии обитает... рогатый заяц! Фотография зайца прилагалась – рога действительно были ничего себе. И очень многие приняли близко к сердцу семейные проблемы баварских зайцев... Впрочем, чего еще ждать от читателя, активно востребовавшего в современных СМИ колонку астрологических прогнозов?..

Кстати, с ними тоже связан забавный розыгрыш. Французские ученые предложили любому желающему бесплатный гороскоп от лучших астрологов Франции только за одну маленькую услугу – написать, насколько верно гороскоп их описал. Масса народу клюнула, прислала время рождения и получила гороскоп. Как вы думаете, сколько процентов получивших были восхищены невероятным совпадением гороскопа с их собственным мнением о своем характере? Пять, десять, двадцать, сорок? А девяносто восемь не хотите? И это при том, что гороскоп действительно был от лучших астрологов – но для всех один и тот же. Кстати, составленный для известного всей Франции зверя и садиста, серийного убийцы, этакого тамошнего Чикатило. Даже неспортивно как-то разыгрывать современного читателя после такого...

Похожая история, но с интересным продолжением, случилась со знаменитым американским популяризатором науки Мартином Гарднером. Он опубликовал в «Scientific American» пародию на псевдонаучную статью о чудесных свойствах пирамиды, где писал, что пирамидальный колпак замедляет старение, возвращает бритвенным лезвиям остроту и прочую чушь. Вскоре после выхода номера (естественно, апрельского) из печати Гарднеру позвонил издатель, специализирующийся на книгах такого рода, и предложил договор на издание книги о

чудесах пирамиды. Гарднер объяснил, что это была всего лишь шутка. «Тем лучше, – ответил издатель. – Вы издадите одну книгу о таинственных свойствах пирамиды, а затем вторую – с разоблачением этой лженаучной теории». Что ж, по крайней мере прагматично.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.